

Елена
Логунова
СТАТУЯ
СЕКСУАЛЬНОЙ
СВОБОДЫ

НОВАЯ
ЗВЕЗДА
ИРОНИЧЕСКОГО
АДДЕКТИВА

Эксмо

Индия Кузнецова

Елена Логунова

Статуя сексуальной свободы

«ЭКСМО»

2007

Логунова Е. И.

Статуя сексуальной свободы / Е. И. Логунова — «Эксмо»,
2007 — (Индия Кузнецова)

Известной писательнице ужастиков Басе Кузнецовой было скучно ходить в бассейн одной, и она привлекла к оздоровительным заплывам дочку Индию. Но даже в этом мирном заведении дамы нашли неприятности: опоздавшая Бася прибежала в пустую раздевалку, открыла первый попавшийся шкафчик и... узрела там мокре, холодное и абсолютно неживое тело! Милиция сходу решила – это сама писательница воплотила в жизнь одну из своих ужасных фантазий. Надо срочно доказать, что это не так! И первым делом Индия и Бася выяснили – убита девушка. Но Бася видела в шкафчике труп мужчины!..

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	31
Глава 7	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Елена Логунова

Статуя сексуальной свободы

Глава 1

– Подвинься-ка, Малюточка! – Раиса Павловна опустилась на скамеечку и потеснила задом развалившегося на мягкой подушке кота.

Кот был здоровенный, рыжий, мордатый, с усами, похожими на пышные пучки рыболовной лески. На малютку он походил мало, разве что на малютку саблезубого тигра, и характер имел соответствующий внешности. Добрый друг Раисы Павловны – сосед Валентин Иванович Солоушкин – ехидно титуловал кота-разбойника Малюткой Скуратовым. Раиса Павловна за любимца обижалась, а самому Малютке было все равно. Обидеть его могло только затянувшееся невнимание хозяйки к его пустой миске – поесть Малютка любил не меньше, чем поспать.

– Спи, Малютка, спи! – проворковала любящая хозяйка, заботливо укрывая дремлющего кота полой своей шерстяной кофты.

Никакого отопления на балконе не было, а окно Раиса Павловна открыла, чтобы максимально улучшить видимость.

Бывшая учительница к пенсионному возрасту не избавилась от переизбытка общительности и любознательности, но огорчительное незддоровье уже не позволяло ей заниматься кипучей деятельностью в гуще народных масс. С целью утоления мучительного информационного голода неугомонная старушка часами просиживала у балконного окна с театральным биноклем, а промежутки между сеансами наружного наблюдения заполняла чтением журналов.

С четвертого этажа Раисе Павловне открывался неплохой вид на двор с песочницей и качельками, длинную шеренгу кооперативных гаражей, вереницу мусорных баков и раскинувшийся за ней пустырь. Еще лучше был виден незастекленный кухонный балкон одинокого пенсионера Солоушкина. Соседская кухня тоже была видна, но не вся, а только стол у окна и угловой шкафчик.

Если бы Раиса Павловна потрудилась составить хит-парад своих излюбленных объектов наблюдения, жилище Валентина Ивановича оказалось бы в первой строке, даже выше, чем помойка, где то явно, то подспудно кипела напряженная люмпен-пролетарская жизнь: бомжи, алкаши и обнищавшие старички сражались друг с другом и с бродячими животными за годное в употребление содержимое контейнеров. За помойкой Раиса Павловна наблюдала со скорбью и ужасом, моля бога, чтобы ей самой никогда не пришлось добывать пропитание себе и Малютке в мусорном баке. Как женщина образованная, она понимала, что от такой вероятности в нашей стране не застрахован никто, даже нынешние олигархи.

Помойка огорчала и наводила на философские раздумья о бренности богатства, зато созерцание доступных взору фрагментов жилища старичка-соседа приводило Раису Павловну в состояние, близкое к любовному экстазу. Что греха таить, очень нравился ей Валентин Иванович, такой импозантный в темно-зеленых плисовых штанах и клетчатом жилете из натуральной верблюжьей шерсти!

Валентин Иванович Солоушкин в лучшие свои годы занимал ответственный пост в Крайпотребсоюзе и командовал крупнейшим городским рынком. Он умело употребил служебное положение на пользу собственному карману и в старости не бедствовал, поэтому зловещий вид развороженной помойки никакого душевного содрогания у него не вызывал. Правда, деньги и связи не помогли ему продлить жизнь супруге, скончавшейся пару лет назад от тяжелой болезни. Поскольку взрослый сын Валентина Ивановича со своей семьей давно жил отдельно, в купленном заботливым и состоятельным батюшкой доме, после смерти жены старик Солоушкин

кин куковал в трехкомнатной квартире один. Раиса Павловна, когда-то приятельствовавшая с супругой Валентина Ивановича, очень сочувствовала достойному пожилому мужчине и была бы счастлива скрасить его одиночество. Она частенько по-дружески навещала Солоушкина, чему тот вроде был рад, однако дальше посиделок за чаем и ностальгических бесед о благословенных застийных временах отношения соседей пока не продвинулись. Не помогал даже неоднократно задаваемый Раисой Павловной игривый, с прозрачным намеком вопрос: «Вот ведь был же, милейший Валентин Иванович, в вашей жизни потребсоюз. А непотребсоюзов неужто до сих пор не было?»

Совершенно неожиданно для кокетливой старушки этот ретроспективный вопрос стал актуальным и злободневным. Любящий сын Валентина Ивановича нанял в помощь старень-кому папе прислугу – возмутительно молодую и привлекательную девицу с абсолютно не под-ходящим ей именем Анжелика.

Эта красивая молодая особа с пышными формами и дерзким взглядом являлась, по мнению Раисы Павловны, сущим исчадием ада. Белый медицинский халатик, в который чертовка Анжелика облачалась для исполнения обязанностей сиделки-кухарки-горничной, был неприлично тесным, коротким и просвечивающим, так что Раиса Павловна в свой бинокль пре-красно видела: негодяйка даже не надевает под униформу бюстгальтер! Отсутствие всяких биноклей и подзорных труб у подслеповатого Валентина Ивановича ревнившую старушку не утешало. Как многие сильно близорукие люди, стариk Солоушкин обладал чрезвычайно раз-витым осознанием, что в данной ситуации тоже было опасно. С Анжелики вполне станет дать ему что-нибудь пощупать!

– Я не удивлюсь, если эта белобрысая дрянь соблазнит бедненького Валентина Ивано-вича, принудит его жениться, заставит написать завещание в свою пользу, а потом прикормит доверчивого старика мышьяком! – не раз сокрушалась Раиса Павловна в разговоре со своей добrou подругой Катериной Максимовной.

Та страшных пророчеств ничуть не пугалась, потому что имела к ним стойкий иммуни-тет: ее дочка Варенька уже несколько лет числилась в топ-десятке популярных отечественных авторов литературных ужастиков. Но, даже не находя понимания у окружающих, Раиса Пав-ловна продолжала с глубоким подозрением следить за Анжеликой и с печальной нежностью – за обреченным Валентином Ивановичем.

И только благодаря ее неусыпной бдительности коварный план ангелоподобной чертовки с треском провалился.

Еще не было восьми часов утра, когда Раиса Павловна воссела рядом с посапывающим Малюткой на балконную скамеечку и поднесла к глазам верный бинокль. Дом еще только про-сыпался, через двор наискосок к троллейбусной остановке целеустремленно, как муравьи, ред-кой цепочкой двигались трудящиеся граждане и дети школьного возраста. Было еще недоста-точно светло, чтобы рассматривать увлекательную и шокирующую жизнь помойки, но в кухне Солоушкина как раз вспыхнула лампа, и это позволило наблюдательнице определиться с при-оритетом. Раиса Павловна навела окуляры на светлое окно и скривилась, увидев прелестную Анжелику в ультракоротком белом халатике, подпоясанном пестрым кухонным фартучком.

Красавица готовила Валентину Ивановичу завтрак, не подозревая, что ревнивая ста-рушка-соседка пристально наблюдает за всеми ее действиями и подвергает их огульной кри-тике.

– Да не молоко, бестолочь, сметану клади в омлет, так вкуснее будет! И салат хорошенъко промой, не хватало еще, чтобы в листьях слизни остались, то-то Валентин Иванович пораду-ется живому мясу! – ярилась Раиса Павловна, беспокоя Малютку. – А кофе! Малютка, ты погляди, как она варит кофе!

– М-мя! – злобно ответил кот, отвернув морду от предложенного ему бинокля.

– Она насыпала кофе в горячую воду! – возмутилась Раиса Павловна. – Да еще и переварила его, позволила закипеть!

С ненавистью глядя в спину Анжелики, переместившейся к шкафчику, она быстро и аргументированно раскритиковала завтрак, совершенно не подходящий для пожилого человека с сердечно-сосудистыми заболеваниями, и захлебнулась эмоциями, близко-близко увидев ямочки под голыми девичьими коленками. Анжелика забралась на табурет, потянулась и взяла что-то с верхней полочки шкафчика.

– А это еще что такое? – Раиса Павловна навела бинокль на небольшой полиэтиленовый пакет, наполненный белым порошком. – Крахмал, что ли? Или сахарозаменитель?

Анжелика тем временем извлекла из кармана маленькие ножнички, оглянулась, аккуратно надрезала пакет, наклонила его и тонкой струйкой высыпала немного порошка в чашку с дымящимся кофе.

– Не многовато ли сахарозаменителя? – желчно заметила Раиса Павловна.

И внезапно до нее дошло, что никакой это не сахарозаменитель! Стала бы Анжелика так воровато оглядываться, подсыпая в чашку хозяина безобидный сахарозаменитель? Стала бы со всей возможной поспешностью прятать пакет в самый дальний угол на верхней полке шкафчика? А как тщательно, с «Хлоринолом», она вымыла руки, убрав подальше подозрительный пакет! Крайне встревоженная, Раиса Павловна поспешила подкрутить бинокль и устремила испытующий взор на ангельское лицико чертовки. Алые губы Анжелики сложились в улыбку, исполненную зловещего торжества.

– Да она его травит, гадина! – ахнула Раиса Павловна, роняя оптику.

– М-м-ма! – от души возмутился Малютка, ушибленный упавшим биноклем.

Приложив руку к сильно бьющемуся сердцу, Раиса Павловна поднялась со скамеечки и заковыляла к двери. Она понимала, что должна во что бы то ни стало отвратить угрозу, нависшую над бедненьким Валентином Ивановичем.

На лестничной площадке было свежо, но Раиса Павловна не почувствовала холода. Протягивая руку к соседскому звонку, она прислушивалась к голосам за дверью.

– Валентин Иванович, вы завтракайте, а я с Моникой погуляю! – проворковала подлая отправительница под заливистый лай и бренчанье собачьей цепочки.

«Уходит из дома, чтобы не видеть, как скончается ее жертва! – догадалась Раиса Павловна. – Конечно, к умирающему старику пришлось бы вызывать «Скорую», а зачем ей это надо?»

Сердце старушки-спасительницы колотилось так сильно, что ей казалось, будто его стук заглушает даже трель звонка.

– Ой, здравствуйте, Раиса Павловна, вы к нам? – дверь открыла Анжелика.

Непристойный халатик она спрятала под стеганым пальто, на ноги обула сапоги.

– Доброе утро, Анжеликочка, здравствуй, Моничка! – нечеловеческим усилием воли сдержав рвущийся с губ крик, приветливо сказала Раиса Павловна.

– Мы на прогулку, а Валентин Иванович завтракает. Проходите, налейте себе кофе! – Анжелика с собачкой обошли застопорившуюся на пороге старушку и побежали вниз по лестнице, проигнорировав лифт.

– С-спасибошки! – прошипела вслед лживой чертовке Раиса Павловна.

Она поспешила вошла в квартиру, захлопнула за собой дверь и устремилась прямиком в кухню.

Солоушкин с аппетитом қушал омлет, красиво гарнированный зелеными салатными листьями.

– А, Раечка! – обрадовался он. – Доброе утро! Садитесь со мной чаевничать, то есть кофейничать!

– С удовольствием! – сказала Раиса Павловна, выдергивая из-под руки гостеприимного хозяина чашку с отравленным кофе.

Она быстро выплеснула содержимое чашки в мойку, а затем схватила чистящее средство и отдраила чашку, раковину и собственные руки в таком темпе, словно претендовала на почетное место в Книге Гиннесса с рекордом скоростного мытья кухонной утвари.

– У вас в чашке был таракан! – объяснила рекордсменка изумленному Солоушкину. – Я сварю вам новый кофе.

– Не золотой, а простой? – пошутил Валентин Иванович.

Вернувшаяся Анжелика застала стариков в гостиной за игрой в шашки. Валентин Иванович выигрывал и по-детски радовался, Раиса Павловна проигрывала, но была в хорошем настроении и улыбалась, как Джоконда. Улучив момент, когда Солоушкин удалился в туалет, она влезла на табурет и забрала из шкафчика пакет с ядом. Он лежал в кармане ее шерстяной кофты, тщательно завернутый в четыре бумажных полотенца, дожидаясь отправки на помойку. Никаких сомнений в том, что содержимым пакета является смертоносная отрава, у Раисы Павловны не было. На пластиковой упаковке обнаружилась маленькая бумажная наклейка с косноязычной и безграмотной надписью кривыми печатными буквами: «Для мужского конца быстрого и жесткого».

К сожалению, Раиса Павловна слишком поздно поняла, что выбросить средство для скорой и жесткой кончины несчастных мужей в общедоступный мусорный контейнер было далеко не лучшим способом утилизации смертельного яда.

Римме Кондаковой было двадцать восемь лет, но каждый год прожитой ею жизни запросто можно было считать за два, поэтому наружность Риммы с паспортным возрастом разительно не совпадала. Это не причиняло гражданке Кондаковой особых неудобств, ибо она давным-давно не пользовалась паспортом, который по пьяному делу обменяла где-то на бутылку. Несколько раньше похожую сделку Римма провернула с родительской хатой в селе Нижнепокровском, после чего ее закономерно одолела охота к перемене мест. Вот уже третий год Римма обреталась в краевом центре на вольных хлебах, добываемых собственноручно, преимущественно из мусорных бачков. Спала она в бомжацком клоповнике на чердаке старой голубятни, водила дружбу с отбросами общества и откликалась не на имя Риммка, а на кличку Рюмка, которая подходила ей идеально. У Рюмки было бледно-зеленое одутловатое лицо и сиплый голос надтреснутого стопарика.

Серым декабрьским утром Рюмка, облаченная в драное болоньевое пальто и резиновые галоши на босу ногу, дивным видением возникла у мусорного бака вблизи гастронома и с ходу огрела палкой собаку, которая самозабвенно раздирала зубами пакет, скатившийся с кучи мусора на асфальт. Пес взвыл и убежал, часто оглядываясь и щелкая зубами в бессильной злобе.

– Щоб ты сдох! – беззлобно сказала Рюмка и на всякий случай поковырялась палкой в отбитом у собаки пакете.

Картофельные очистки и кожура от сосисок ее не заинтересовали, но в кульке было еще кое-что.

– Шо такое? – Рюмка нагнулась и подняла маленький и пухлый бумажный сверток граммов на сто – сто пятьдесят.

Развернув бумагу, она обнаружила внутри полиэтиленовый пакет, полный белого порошка. Что это такое, было не понять, но Рюмка не собиралась бросаться добром, которое вполне могло иметь какую-то ценность. Она сунула пакет за пазуху и поспешно пошла прочь. Помойка у гастронома была местом весьма посещаемым, и каждый новый «инспектор» норовил начать ознакомление с мусорными поступлениями с потрошения карманов конкурента.

Пуговицы на болоньевом пальто присутствовали через одну, полы так и норовили распахнуться, поэтому Рюмка придерживала свою добычу на впалой груди рукой, что со стороны выглядело очень подозрительно.

– А ну, стой, пьянь! Что сперла, показывай! – в узком проходе между гаражами к Рюмке подступили два молодых парня с физиономиями уголовников в третьем поколении.

Рюмка этих неприятных парней не знала и знать не хотела. По ленивым ухмылкам, оловянным глазкам и жирным губам молодчиков она враз угадала в них дворовую шпану, бывших дрянных мальчишек, которые вешали в подвалах кошек и стреляли из пневматических пистолетов по голубям и коленкам прохожих.

– Только не бейте! – испуганно взмолилась Рюмка, вжимаясь спиной в ржавую стену гаража и вытягивая из-за пазухи пакет с порошком. – Вот! Возьмите!

– Эт че? – спросил один из молодчиков, сплюнув и брезгливо прихватив пакет за одно «ушко». – Серый, глянь!

– Не знаю, – честно ответила Рюмка. – В кульке нашла. Кто-то это в сто бумажек завернул и в помойку зарыл, а я вот нашла.

– Хренъ какая-то, – с сомнением в голосе сказал молодчик, которого приятель назвал Серым.

– Че сразу хренъ?

Парни заспорили, разглядывая пакет. Рюмка тихо шагнула в сторону и растаяла в спасительном тумане, поглотившем и ее хилую фигуру, и звук спотыкающихся шагов.

Благородная старушка Раиса Павловна слабеющей рукой постучала по батарее парового отопления и выронила молоточек для отбивания мяса на журнальный столик. На пол посыпались газеты, журналы, очки для чтения, карандаши и ручки.

– В-вя! – вознегодовал Малютка, мирно дремавший на ковре.

– Помогите... – оседая на пол, прошептала пенсионерка.

Затуманенными болью глазами она все еще видела тщедушную фигурку пропойцы, уносящей с помойки пакет с ядом. Анжеликина отрава ушла в большой мир!

– Моя вина! – покаянно прошептала Раиса Павловна и стиснула кулачок.

В ладонь ей сама собой угодила шариковая ручка, и это определило занятия пенсионерки на те несколько минут, которые понадобились добреей девочке – соседке сверху, чтобы прибежать на условный стук, открыть дверь своим ключом и вызвать для обмороочной старухи «Скорую».

Глава 2

Оглядываясь назад, я понимаю, что в тот день мне следовало быть настороже – утро было буквально соткано из дурных примет и скверных предзнаменований.

Первым делом, когда я собиралась на работу, сломалась «молния» на моей куртке. Это было некстати, но я не слишком расстроилась, потому что возраст куртки неумолимо приближался к пенсионному и надевала я ее только потому, что сегодня меня ждал бассейн, а мне не хотелось оставлять в общественном гардеробе новую шубку.

Погода меж тем была уже достаточно «шубная». Выглянув в окошко с нашего седьмого этажа, я убедилась, что травка на газоне у подъезда слегка заиндевела. Сверху сиялась мелкая белая дрянь, не слишком похожая на нормальный снег, но все же вполне подходящая для премьеры моей скромной меховой коллекции: к бело-рыжему бобровому полушибуку у меня имелась новая сумка с хаотично разбросанными по кирпичного цвета замше лоскутами меха. В магазине меня уверили, что лохматые фрагменты сумки при жизни принадлежали енотовидной собаке. Посмертно енот был подозрительно похож на обыкновенного полосатого ваську, но я все-таки купила эту енотовидную кошку, потому что она замечательно подходила к моим шубным бобрам.

В общем, кончину старой куртки я перенесла стойко. Надела шубку, вздернула на плечо сумку, повертелась перед зеркалом и благосклонно улыбнулась сначала своему очаровательному отражению, а потом братцу Зяме. Он как раз шествовал по коридору в ванную в шикарном халате цвета мокко и с махровым полотенцем на плече.

– Бобры добры? – с сарказмом пробормотал Зяма, без большого восторга покосившись на мои меха.

Зямочка у нас гениальный дизайнер по интерьерам. Его художественный вкус тоныше, чем ножки блохи, подкованной умельцем Левшой. Куда мне, простой девушке, воспитанной на многотиражных гламурных журналах, до этой редкой утонченности!

– Бобры добры, – подтвердила я. И ехидно добавила: – А козлы злы!

Зяма безошибочно угадал намек. Он притормозил, бросил обеспокоенный взор в зеркало, задрал подбородок и задумчиво рассмотрел свою художественную бородку. На мой непросвещенный взгляд, она представляет собой промежуточный вариант между аналогичными волосяными украшениями кардинала Ришелье и фараона Тутанхамона. Ну, и с козлиной бородкой что-то общее имеется, да простят меня Ришелье и Тутанхамон (перед Зямой можно не извиняться, мы с ним всю жизнь пикируемся, это у нас норма общения).

– Да, пора побриться, – подытожив результаты своих раздумий, Зяма полез в тумбочку за специальной дорогой бритвой, после обработки которой на его мужественном лице остаются сложные загогулины из трехдневной щетины.

– Косить тебе – не перекосить! – я насмешливо благословила братца на садово-ландшафтные работы и удалилась.

Крыльца и ступеньки дома были красиво припорошены белой пудрой. На основании этого я мимоходом поздравила дворничиху:

– С первым снегом, тетя Маша!

Она на поздравление не ответила и посмотрела на меня, как на ненормальную. Я запоздало сообразила, что для дворничихи первый снегопад знаменует собой начало особо тяжких сезонных работ, что вряд ли сильно радует работницу лома и снегоуборочной лопаты, но извиняться за бесактность не стала, потому что уже пролетела мимо тети Маши, а орать издалека мне не позволяло благородное воспитание. Кстати, и снег куда-то пропал, по дороге на троллейбусную остановку я не увидела ни единой снежиночки. Под ногами весело шуршали сухие кленовые листья, влажно блестела зеленая трава газонов. Солнце, прорвавшееся из-за

туч, щедро золотило желтую и рыжую листву деревьев. В зимних бобрах становилось некомфортно.

Я задумалась, не вернуться ли мне домой, чтобы переодеться в более соответствующий пейзажу и температуре воздуха замшевый пиджачок, но тут к остановке подкатил мой троллейбус, и я решила не мешкать. «Десятки» ходят по маршруту с интервалом в двадцать минут, и если я упущу этот троллейбус, то непременно опоздаю на работу. А сегодня мне никак нельзя было опаздывать, сегодня у нас в рекламном агентстве «МБС» ожидалась сделка века.

В троллейбусе было пустовато, то есть пассажиры не висели на поручнях в два ряда, как новогодние гирлянды, и я даже нашла нам с бобрами свободное сидячее место. На этом, однако, удача моя окончательно закончилась.

Едва устроившись на потрепанном сиденье, я ощутила неприятный запах, быстро превратившийся в невыносимую вонь. Другие пассажиры, тоже не лишенные обоняния, начали переглядываться, критично осматривая друг друга на предмет поиска источника зловония. Мы с моими новенькими бобрами оказались вне подозрений, да и другие граждане выглядели вполне прилично и внешне мерзкому запаху никак не соответствовали. Амбрэ же было такое, словно в троллейбус вошел хорошо выдержаный зомби.

– Кондуктор! Что это у вас смердит? – первой не выдержала газовой атаки дама в розовой кофте из лохматого мохера. – Немедленно прекратите это безобразие! Шерсть моментально впитывает запахи, я вся провоняюсь!

Я тут же заволновалась, испугавшись, что и мои натурально шерстяные бобры провонятся и будут пахнуть, как скунсы.

– У меня, гражданочка, ничего не смердит! – сердито отозвалась кондукторша. – За собой смотрите!

И она возвысила хорошо поставленный голос так, что запросто заглушила бы трубы страшного суда:

– Граждане пассажиры! Кто труп везет? Не забываем оплачивать провоз багажа!

– Это не труп, это у меня сайра протекла! – виновато улыбаясь, призналась приличного вида тетечка с большой клетчатой сумкой.

– Какая, к чертовой бабушке, сайра?! – мигом взъярился слаженный хор пассажиров.

Быстро выяснилось, что сайра никакая. То есть вчера она была свежемороженая, а сегодня она никакущая. И вообще ее уже нет, вся вышла. Точнее даже – выбежала. Вчера эта сайра путешествовала в клетчатой сумке приличной тетечки, ехала на конечную остановку десятого троллейбуса по обычному маршруту «рыбный рынок – кошачья миска», но не выдержала тягот долгого пути, разморозилась и обмочила сумку. На вкусовых свойствах сайры это никак не сказалось, и кот приличной тетечки ее благополучно сожрал – опять же, вчера. Так что сегодня от сайры остались одни воспоминания.

Кота никто не спрашивал, но пассажиры сошлись на том, что воспоминания о сайре поистине незабываемы. Тетечка сконфуженно извинилась и пообещала удалиться вместе с незабвенной сайрой на остановке «Военное училище». После этого народный гнев превратился в истерическое веселье. Умы взбудоражила перспектива военного использования покойной сайры. Бурно обсудив эту тему на протяжении трех остановок, граждане решили, что клетчатую сумку надо везти прямиком на оборонный завод, производящий химическое оружие, а всю тухлую сайру немедленно объявить стратегическим военным запасом родины и строгонастрого засекретить. Потому как ей, этой тухлой сайре, никакая дополнительная переработка не нужна, ее можно запросто закручивать в майонезные баночки и забрасывать ими врага. Лучше всего с самолетов бомбить, потому что дальность поражения миазмами у тухлой сайры очень уж высока.

У военного училища опозоренная тетечка с клетчатой сумкой сошла, унося в народ свою смердящую военную тайну, а я проехала еще две остановки в троллейбусе, по которому гуляли

вентиляционные сквозняки, и слегка простудилась. Едва вошла в офис, оглушила девочек звонким чихом, на который они отреагировали не традиционным пожеланием «Будь здорова!», а дружным змеиным шипением:

– Ш-ш-ш-ш!

Люся и Катя синхронно приложили пальцы к губам и взглянули на меня с укором, причины которого я не поняла, а потому с легкой обидой спросила:

– Да в чем дело?

– Замри! – шепнула Катя.

Я застыла на одной ножке.

– Сделка века! – одними губами пояснила Люся и указала глазами на дверь кабинета шефа.

– Состоялась? – балансируя на одной ноге, с радостной надеждой спросила я.

Катя с Люсей помотали головами:

– Нет, сорвалась!

Я поставила вторую ногу на пол и взглянула на своих коллег с недоумением:

– Так у нас что – минута молчания по погибшим надеждам?

– Т-с-с! – яростно зашипела Люся. – Молчи!

Я пожала плечами, прошла к своему столу, сняла шубку и понюхала ее, желая убедиться, что я не напрасно самоотверженно проветривала бобров на вредном для моего личного здоровья сквозняке.

– Я предлагаю заглянуть! – прошептала Катя, кивнув на дверь начальственного кабинета.

– Да, как же! – криво усмехнулась Люся. – Мы заглянем, а он в нас пресс-папье метнет!

А оно, между прочим, малахитовое!

Я начала понимать, в чем дело:

– Бронич закрылся в кабинете и не подает признаков жизни?

– Не подает! – вздохнула Катя.

– Может, оно и к лучшему, – философски заметила я. – Посидит у себя, помолчит, подумает о тщете всего сущего... Подумаешь, сделка сорвалась! Что теперь, национальный траур объявлять?

Если честно, то я кривила душой. От «сделки века», как у нас в рекламном агентстве окрестили долгосрочный контракт с сетью гипермаркетов детских товаров «Маленький принц», мы ожидали многоного. Я лично – постоянного объема работ и стабильной зарплаты. А шеф наш, Михаил Брониславич Савицкий, ожидал сверхвысоких прибылей. Надо сказать, что Бронич даже к сверхмалым прибылям относится с нежностью Скупого Рыцаря, так что его разочарование по поводу сорвавшейся сделки века должно было быть безмерным.

– Он там не застрелился? – осознав серьезность ситуации, тоже забеспокоилась я.

– Выстрела мы не слышали, – ответила Катя, заметно бледнея.

– А что слышали? – настаивала я.

– Да ничего особенного, – Люся пожала плечами. – Поорал немного, кулаками в стену помолотил, ногами потопал, разбил что-то стеклянное... Все как обычно.

– Интересно, что еще он мог разбить? – задумалась Катя.

Наш дорогой шеф по знаку зодиака Близнецы. Возможно, этим объясняется его характер типа «два в одном». Обычно Бронич кроток и ласков, аки голубь, но периодически пугает нас вспышками дикой ярости. Страдают от нее в основном неодушевленные предметы, не имеющие, в отличие от одушевленных сотрудников, спасительной возможности разбежаться и попрятаться по углам. Заботясь о сохранности казенного имущества, Катя (она у нас офисменеджер) методично проводит плановую замену в кабинете шефа хрупких и бьющихся предметов интерьера на массивные и противоударные. Таким образом, из логова вспыльчивого Бронича уже исчезли керамические цветочные горшки, фарфоровые чашки и хрустальные

рюмки, вместо них пришли гранитные кашпо и серебряные стаканчики, а на стенах вместо легкомысленных картинок в рамках под стеклом появились добротные резные деревянные доски и чеканки по металлу. Место разбитого письменного прибора из цветного стекла на столе занял набор предметов из малахита, и с их появлением кабинет шефа приобрел необычайно солидный вид. А у нас с девочками развилась малахитофобия, ибо шеф имеет неприятную манеру бросаться пресс-папье.

– Если он опять расколотил лампу, я ему новую не куплю! – сердито заявила Катя. – Будет при свечах сидеть!

– И канделябрами кидаться! – поежилась я.

– Все, я больше не могу! – Люся, не выдержав неизвестности, подскочила к двери директорского кабинета, толкнула ее и тут же прижалась спиной к стене справа от дверного проема.

Я пригнулась к столу, освобождая воздушный коридор для вероятного пролета метательных снарядов, но из открытого кабинета не донеслось ни звука. Я подняла голову, всмотрелась в зеленоватый сумрак шефовой берлоги (похоже, он действительно разбил лампу), испуганно ахнула и выскочила из-за стола.

Бронич лежал в кресле, откинувшись на его спинку, и тяжело дышал. Глаза его были закрыты, галстук распущен, оборванная с воротника пуговка болталась на нитке.

– Бронич! – в три глотки вскричали мы с девочками.

Катя с Люсей бросились в кабинет, а я схватилась за телефон, чтобы без промедления вызвать «Скорую».

Через полчаса обморочно постаннывающего шефа увезли в больницу с подозрением на инсульт. В полном ошеломлении мы с девочками выпили кофе с шоколадными конфетами из неприкосновенного запаса в барном шкафчике шефа, а потом Катя пошла наводить порядок в кабинете, Люся отправилась к Броничу домой, чтобы успокаивать его супругу, а я вызвалась съездить в больницу. Мне было по пути, я как раз собиралась в обеденный перерыв посетить бассейн.

В печали и тревоге, безрадостно думая о ближайшем будущем нашей многострадальной конторы, я вышла из офиса и встала под фонарем на углу, ожидая мамулю, с которой мы вместе занимаемся плаванием трижды в неделю.

Собственно, это мамуля подвигла меня на активные занятия спортом, сама бы я никогда не собралась ни в спортзал, ни в бассейн, просто поленилась бы. Но родительница моя заявила, что ей пора заботиться о своей физической форме, чего в одиночку она делать никак не может, поэтому мой святой дочерний долг – составить ей компанию. В конце концов, определенный урон мамулиной красоте нанесло именно рождение и взращивание детей, одной из коих я являюсь!

Насчет урона ее красоте вполне можно было поспорить. Глядя на мамулю и бабулю, я понимаю, что по части растяжимости понятие «бальзаковский возраст» превосходит самый лучший латекс. Это побуждает меня радоваться за близких родственниц, а еще больше – за саму себя. Хорошая наследственность дорогого стоит! Если в пятьдесят я буду выглядеть, как мама, а в семьдесят – как бабушка, пластическим хирургам не удастся заработать на мне ни гроша. И это тоже радует, потому как я девушка практичная и всегда найду достойное применение резервной копеечке.

С присущей мне практической сметкой я попыталась отвертеться от синхронного плавания с мамулей, предложив ей в компаньонки бабулю, но бабуля сказала, что ее собственная физическая форма с учетом прожитых лет и перенесенных испытаний даже слишком хороша, поэтому она отказывается от физкультурных занятий в пользу просто культурных. Это означало, что бабуля предпочитает лежать на диване, разгадывая кроссворды и головоломки в журналах, которые она покупает в складчину с подружкой-вековушкой Раисой Павловной из десятой квартиры.

Бабуля наша представляет собой редкий тип домоседки сезонно-мигрирующей. Дважды в год ее одолевает непреодолимая охота к перемене мест, и тогда бабуля отправляется за две тысячи километров в Питер, к своему старшему сыну. Великий поход утомляет ее настолько, что для обратного марш-броска бабуля копит силы еще полгода, и только потом возвращается к нам. В тот момент, когда мамуля решила примкнуть к олимпийскому движению инвалидов умственного труда, бабуля как раз готовилась к своему очередному Великому Исходу. Расходование энергии на бассейн не входило в ее планы, так что плавать в одной флотилии с мамулей пришлось мне.

Плавать мне неожиданно понравилось, только сложновато было выкраивать на это время среди рабочего дня. Мамуля, которая в удобном для себя режиме работает дома (она у нас великая писательница), вошла в мое положение и стала заезжать за мной на машине.

Увы, сегодня день был неудачный. Переминаясь на углу, я с садистским удовольствием безжалостно мозолила своими новыми бобрами завидущие глаза девчонкам из соседней парикмахерской, когда позвонила мамуля.

– Даюша, дорогая, прости, но я никак не успеваю тебя подхватить! – виновато сказала она. – Еду со студии, мы там немного задержались с записью, а на дорогах пробки, так что я чуток опоздаю. Ты добрешься сама, детка?

– Доберусь.

Я вздохнула при мысли о новом троллейбусном катании в компании с гражданами, отягощенными громоздкими сумками с разнообразным содержимым, не исключая тухлую сайру. Ах, как все это может травмировать моих нежных бобров!

Стараясь избегать плотных контактов с другими пассажирами и их ручной кладью, я села на последнее сиденье – то, которое спиной к водителю, забилась в уголок и поехала в бассейн. Тухлой сайры, вечная ей память, на сей раз никто не вез, но народ в попутчики мне достался какой-то суетливый, очень непоседливый: на протяжении недолгого пути длиной в пять остановок рядом со мной успели посидеть четыре человека. Движение на сиденье было, как на скамейке запасных в разгар напряженного хоккейного матча! Я смотрела в окошко, не обращая внимания на очередного соседа или соседку, но вынужденно замечала момент перехода места в пользование нового лица (то есть вовсе не лица, а совсем наоборот, тыльной части человеческого организма) по противному скрипу сиденья.

В тот момент, когда мне самой пора было отклеиться от теплого дерматина, из кармана моей шубки выскользнула связка ключей. Я вовремя распознала характерное металлическое звяканье и вытянула из щели между сиденьем и его спинкой свои беглые ключики, а заодно и другой предмет, застрявший там же. Это оказался мобильный телефон, плоская книжечка-раскладушка. Я сразу поняла, что это не моя вещичка – модель была совсем другая. Очевидно, телефон выпал из кармана одного из моих суетливых попутчиков, но вернуть его в данный момент хозяину было затруднительно по причине отсутствия такового. Оглянувшись, я убедилась, что троллейбус пуст, на конечную остановку, вблизи которой расположен бассейн, я прибыла в одиночестве, все прочие пассажиры вышли раньше.

– Конечная! Не спим, выходим! – провозгласила кондукторша, явно адресуясь ко мне, и сама вперевалочку сошла со ступенек, направившись прямиком в ближайший продовольственный магазин.

Я выскочила из троллейбуса с чужим мобильником в руке, побежала вслед за кондукторшей и настигла ее у прилавка хлебного отдела.

– Простите, это не ваш телефон? – спросила я, показывая «раскладушку».

– Дай посмотрю. Хороший телефон, дорогой? Может, и мой, – неопрятная толстая баба сунула в потрепанную сумку на животе пару булок и с готовностью потянулась к мобильнику.

На владелицу дорогошего мобильника она совсем не походила, а вот на особу, способную беззастенчиво присвоить чужую вещь, очень даже смахивала.

– Извините, я вспомнила, чей это телефон, – соврала я, пряча найденный мобильник в карман шубки и отступая.

В конце концов, не велик труд прозвонить по номерам, записанным в памяти аппарата, и найти настоящего владельца телефона с помощью его знакомых. Я решила, что займусь этим благородным делом сразу после посещения бассейна. Мне не хотелось опаздывать на «мокрое дело», как с присущим ей черным юмором называет наши заплывы мамуля – знаменитая создательница ужастиков.

Считается, что занятие в бассейне часовое, но на самом деле пребывание в воде длится не более сорока пяти минут. За это время я только-только успеваю проплыть полтора километра, которые сама определила себе в качестве обязательной нагрузки. Чтобы не терять драгоценные минуты, я прыгаю в воду раньше других, а вылезаю из нее самой последней. Это хорошая тактика, она позволяет мне заодно избежать очереди в душевой: все дамочки, тетушки и бабушки, которые мокнут в бассейне одновременно со мной, торопятся поскорее ополоснуться, чтобы захватить один из немногочисленных исправных фенов в «предбаннике».

Из-за медлительности общественного транспорта и бессмысленной беготни с чужим мобильником я опоздала к началу занятия минут на пять, поэтому все обязательные предварительные действия произвела с рекордной скоростью. Сдала в гардероб бобров и сапоги, обула резиновые тапки, прошлепала на второй этаж, получила у дежурной в раздевалке ключик от свободного шкафчика, разделась, с купальником в одной руке и шапочкой в другой пробежала в душевую, наскоро ополоснулась, облачилась в незатейливый наряд для плавания и ринулась в бассейн. Дамочки и тетушки, лениво плещущиеся на моей законной третьей дорожке, при виде меня сделали кислые лица, на что я не обратила никакого внимания. С дружественным криком: «Всем привет!» я шумно бухнулась в воду, перевернулась на спину и красивыми техничными гребками разогнала в стороны всех сонных гусынь, болтающихся в воде на манер надувных матрасов. Минут через пять на нашей дорожке установилось нормальное положение дел: недовольные моей активностью тетушки зависли в сонных гаванях под тумбочками, а я летала туда-обратно, как индейское каноэ, старательно считая пройденные дистанции.

Периодически я вопросительно поглядывала на дверь женской душевой, но мамуля, которую я ждала, так и не появилась. Видимо, она опоздала гораздо сильнее, чем предполагала, и даже не стала заходить в бассейн. Оставалось надеяться, что родительница дожидается моего выхода в холле и мне не придется вновь прибегать к услугам общественного транспорта. Разнообразными троллейбусными развлечениями я сегодня была уже сыта по горло.

Глава 3

Подрезав неторопливый троллейбус, синий «Форд» резко свернул на стоянку у входа в бассейн, пронзительно взвизгнул тормозами и замер в миллиметре от высокого бордюрного камня. Из машины выскочила дама в белом шерстяном костюме с оторочкой из горностая. Громко цокая каблучками и размахивая не гармонирующей с изысканным нарядом спортивной сумкой, она устремилась прямо к бассейну.

Дама была не молода, но очаровательна, хотя манеры ее оставляли желать лучшего. В дверях она не уступила дорогу группе школьников, не поздоровалась с приподнявшимся навстречу охранником. Шмякнула сумку на пол, выдернула из нее пакет с резиновыми шлеппанцами, переобулась с проворством театральной Золушки, играющей сцену с хрустальной туфелькой в тысячный раз, и помчалась вверх по лестнице в раздевалку. Тем не менее охранник проводил торопливую особу восхищенным взором и молвил:

– Ну, королева!

Очаровательная дама являлась признанной королевой литературного ужастика и была известна читателям под именем Баси Кузнецовой, хотя по паспорту звалась просто и без затей – Варварой Петровной.

Пожилой охранник не относился к числу горячих поклонников творчества мадам Кузнецовой, так как предпочитал изящным дамским страшилкам кровавые кошмары брутальных детективов, но не узнать Варвару Петровну он не мог. Ее милый образ в белом костюме с горностаем он созергал уже добрых пять минут: большой телевизор, установленный в холле как раз напротив стола охранника, показывал очередное ток-шоу «Трын-трава», в котором писательница Кузнецова выступала в качестве приглашенного эксперта по страхам и ужасам. Буквально за минуту до появления Варвары Петровны во плоти ее экранный двойник забавно пикировался с другим специалистом по кошмарам – известным в городе психоаналитиком Виталием Пряниковым. Из их весьма оживленной беседы быстро стало ясно, что доктор готов с лету диагностировать у госпожи писательницы с десяток душевных расстройств, не совместимых с жизнью, в то время как мадам литераторша склонна считать скрытым психопатом, садистом и извращенцем самого доктора.

– Милый Виталий Парамонович, поверьте, на самом деле я предпочитаю обществу жутких потусторонних существ теплую компанию родных и друзей и никогда в жизни не видела создания более пугающего, чем, например, вы! – заливаясь серебристым смехом, говорила Варвара Петровна.

Она была совершенно обворожительна, тогда как доктор, скалящий желтые зубы в кричной усмешке и обличительно потрясающий перед камерой новой книжкой Баси Кузнецовой «Мой страстный зомби», производил весьма неприятное впечатление. Публика, собравшаяся в студии, дружно аплодировала писательнице и освистывала психоаналитика.

Под рукоплескания телевизионного зала живая Варвара Петровна взбежала по ступенькам, белой молнией промелькнула мимо гражданин, сосредоточенно жужжащих слабенькими казенными фенами в предбаннике, и ворвалась в женскую раздевалку. Там было пусто, потому что одна группа занятие давно закончила, а другая так же давно его начала. Мадам писательница сильно опоздала и, торопясь наверстать упущенное, прямо с порога целеустремленно ринулась в закуток дежурной, чтобы взять у нее ключик от свободного шкафчика.

Дежурной, по совместительству выполняющей функции уборщицы, на месте не оказалось. Такое случалось частенько, но великая писательница была демократична и ничуть не возражала против самообслуживания. Она сдернула с гвоздика первый попавшийся ключик и направилась к нужному шкафчику, который нашелся в нижнем ярусе среднего ряда. Варвара

Петровна со скрежетом вонзила ключ в замочную скважину, провернула его, и тут в помещении погас свет.

Окон в раздевалке не было, и Варвара Петровна оказалась в полной темноте. От неожиданности она уронила с плеча сумку, наклонилась, подняла ее и совершенно машинально потянулась к невидимому в потемках шкафчику, чтобы привычно поместить свою ручную кладь на его полку. В темноте она ориентировалась гораздо хуже, чем типичные герои ее произведений – обитатели склепов и подземелий, поэтому вынуждена была искать шкафчик ощущением. Первая дверца, попавшаяся ей под руку, оказалась закрытой, вторая тоже, а вот третья с готовностью подалась. Она открылась с тонким скрипом, который совпал с легким звоном.

– Ой, это ключ упал! – поняла Варвара Петровна.

Тут она вспомнила, что на ее собственной связке ключей от квартиры болтается брелок с подсветкой, и полезла за ним в сумку. Брелок в стиле «хай-тек» Варваре Петровне подарил сын Казимир, большой любитель всяческих необычных штуковин. Плоский серебристый диск, похожий на инопланетное летающее блюдечко, благополучно пережившее прямое попадание под земной дорожный каток, по словам Зямы, мог испускать из себя свет, но у Варвары Петровны прежде не случалось повода воспользоваться этой полезной прикладной функцией брелочка.

Потискав диск, она сумела выжать из него с полдюжины ярких тонких лучей, раскинувшихся частым веером, и в темном нутре длинного высокого шкафчика увидела слабо светящуюся сине-сиреневую рыбку. Это было более чем странно! До сих пор Варваре Петровне никакие жаберные не встречались даже в воде бассейна, не говоря уж о более или менее сухой раздевалке. Удивленная, она протянула руку к призрачному сиянию и коснулась холодной влажной кожи, гладкой, без всякой чешуи.

В следующую секунду слепящие вспыхнули лампы под потолком. Варвара Петровна поморгала, прозрела, потом хрюпло ахнула, попятилась и упала на лавочку, оказавшуюся у нее под коленками. Ее глубоко потрясла мгновенная метаморфоза: изящная маленькая рыбка куда-то пропала, а вместо нее появилось довольно большое тело, втиснутое в узкий шкафчик боком, в полуприятие.

– Черт! – беспомощно обронила великая писательница, не приветствующая вторжение страхов и ужасов в ее собственную мирную жизнь.

Бочком-бочком она отступила вдоль стены шкафчиков к выходу из раздевалки, у двери круто развернулась и выбежала вон, на ходу нервно вытирая о жакет руку, которой прикоснулась к хладному телу.

Охранник, благополучно досмотревший интересное ток-шоу «Трын-трава» до самого конца, сидел за своим столом и увлеченно читал книжку с многообещающим названием «Джакузи для жмурика».

– Труп в раздевалке! – подбежав к столу, свистящим шепотом доложила ему перепуганная Варвара Петровна.

– Ну, это уже не ново, – мягко, чтобы не обидеть писательницу, сказал охранник и перевернул страницу.

Он вообразил, будто великая писательница делится с ним творческими планами, и позволил себе покритиковать предложенное ею название:

– Придумайте что-нибудь пооригинальнее.

– Не ново? – неприятно удивилась Варвара Петровна, которая ходила в данный бассейн меньше месяца и не знала еще всех местных традиций. Притом ее никто никогда не предупреждал, что в шкафчике раздевалки можно запросто найти такое необычное вложение, как мертвое тело. – Ничего себе! И часто у вас находят трупы в раздевалке?

– Не понял? – охранник насторожился. – Какой труп? В какой раздевалке?

– Какой труп – не знаю, я в трупах не разбираюсь, – ответила раздергнная Варвара Петровна, не замечая, что жестоко губит свою репутацию специалиста по страхам и ужасам. – Он в женской раздевалке, в шкафчике сидит.

– Почему – сидит? – машинально спросил охранник, которому этот глагол применительно к трупу показался неуместным.

До него еще не дошло, что они обсуждают не гипотетический случай, а вполне конкретный.

– А я знаю?! – Варвара Петровна взвигнула и притопнула каблучком. – Ваш бассейн, ваша раздевалка, вы и разбирайтесь, почему у вас тут трупы сидят!

– Где?! – выдохнул охранник, бледнея на глазах.

Расталкивая граждан, мирно ожидающих в холле начала очередного занятия, они бок о бок пробежались в обратном направлении до дверей женской раздевалки, но там Варвара Петровна остановилась как вкопанная.

– Дальше не пойду! – решительно заявила она. – Хватит с меня этого зреища. Идите сами, шкафчик в среднем ряду, номер двести пятнадцать или двести шестнадцать, не помню: да я, кажется, дверцу не прикрыла, так что вы сразу его увидите.

– Никуда не уходите! – строго сказал ей охранник и шагнул в раздевалку.

Дверь он не закрыл, но Варвара Петровна не стала заглядывать в помещение, наоборот, отвернулась в другую сторону. Однако от вопроса не удержалась:

– Нашли?

Зловеще скрипнула дверца, затем послышалось прочувствованное матерное ругательство, которое понятливая писательница расценила как положительный ответ на свой вопрос.

– Охренеть можно! – выйдя из раздевалки, пожаловался ей охранник.

Лицо у него было несчастное. Сразу стало понятно, что неожиданная находка нисколько его не радует.

– Ну, сейчас начнется! – тоскливо сказал охранник, снимая с поясного ремня телефон.

И началось.

Глава 4

Сигнал к окончанию очередного занятия я, как водится, проигнорировала. Проплыла еще стометровочку, неторопливо выбралась из бассейна и, слегка пошатываясь от приятной усталости, побрела в душевую. На этом, однако, все обыкновенное закончилось.

Обычно мне приходится прорываться в свободную кабинку сквозь завесу ароматизированного пара, ибо наши тетушки-бабушки все сплошь большие любительницы погреть косточки кипятком, и после их ухода в помещении надолго устанавливается душная и влажная атмосфера оранжереи. На сей раз в душевой было сыро, но прохладно, мылом и шампунем не пахло, а тетушки-бабушки никуда не ушли. Они толпились в проходе между душевой и раздевалкой, взволнованно тараща глаза и вытягивая шеи, из-за чего были похожи на небольшое стадо карликовых жирафов редкого для этих животных яркого окраса. Они даже не избавились от купальников и резиновых шапочек! Щеки и подбородки пары тетушек, обернувшихся на звук моих бодрых шагов, подрагивали, как будто дамы что-то жевали.

– Почему стоим, кого ждем? – набежав на группу встревоженных жвачных сзади, поинтересовалась я голосом ласковой стервочки из рекламного ролика. – Что, опять нет горячей воды?

Мне показалось, что я нашла объяснение необычной заминке в приеме водных процедур. Летом бассейн пережил ремонт, осуществленный по причине нехватки времени в режиме штурма, всего за один месяц. Последствия штурмовщины в виде периодических протечек водопровода, перебоев с горячим водоснабжением и проблем с электропроводкой ощущались до сих пор. Только на прошлой неделе я вынуждена была мыться под холодным душем, заглушая собственным фальшивым пением рвущиеся с губ малодушные взвизги и особенно остро сочувствуя легендарным героям Зое Космодемьянской и генералу Карбышеву. На лицах теплолюбивых тетушек, взиравших на меня в тот момент, застыло выражение мистического ужаса. Я чувствовала себя сверхсуществом неземного происхождения (Индия Кузнецова в триллере «Чужой-6»). Честно говоря, если бы не искреннее удовольствие, которое я получала, шокируя милых дам, я бы ни в жизнь не встала под ледяной душ!

– Горячая вода есть, – не отрывая настороженного взгляда от чего-то, скрытого за поворотом короткого коридорчика, машинально ответила мне самая старшая из любительниц несуетных массовых купаний – матриарх нашей группы, бывшая воспитательница детского сада Клавдия Васильевна.

– Так в чем же тогда дело? – продолжая любопытствовать, я протолкалась сквозь группу мокрых гражданок и выглянула из коридора в раздевалку.

Увиденное вынудило меня уронить челюсть и вздернуть брови. Загородив проход к среднему ряду шкафчиков, посреди женской раздевалки стоял хмурый парень в потрепанных джинсах и грубом свитере ручной вязки. Я как-то сразу поняла, что это не спортсмен-пловец, перепутавший раздевалки в приступе топографического идиотизма, и не сантехник, заглянувший проверить состояние водопроводных и канализационных труб. Парней, похожих на этого, как клонированные близнецы, я навидалась в тех кругах, где вращается Денис Кулебякин – капитан милиции, эксперт-криминалист и по совместительству мой сердечный друг.

– А что случилось? – дрогнувшим голосом спросила я, уже догадываясь, что ответ меня не порадует.

– Дюша! – неожиданно возвзвал ко мне из-за двухметровой стенки шкафчиков знакомый и родной голос мамули.

И далее последовало вдохновенное любительское пение:

– Умчи меня, олень, по моему хотению! Умчи меня, олень, в свою страну оленю!

Трогательные слова и нежная мелодия, напетые приятным женским голосом в столь неподходящий для лирического выступления момент, произвели на присутствующих очень большое впечатление. Тетушки за моей спиной дружно ахнули и зашептались, вслух перебирая диагнозы из области психиатрии. Глубокое и искреннее удивление отобразилось даже на бронебойной физиономии милицейского парня. Он оглянулся и засмотрелся на певицу, которая продолжала выводить с большим чувством и старанием:

– Где сосны рвутся в небо! Где был живет и небыль! Умчи меня туда, лесной олень!

Закончив припев, мамуля смолкла, и в тишине, не заполненной честно заработанными ею аплодисментами, я громко ответила:

– Ясно!

Сказанное относилось не к погодным условиям в тайге, где в разных направлениях рвутся сосны и олени, а к скрытому приказу, содержащемуся в мамулином песнопении. Запоминающаяся мелодия песни про оленя – это был наш с ней тайный сигнал, призыв к тихому и незаметному отступлению. Сколько раз я сама вдохновенно распевала про оленя, задерживая у парадного крыльца нашей дачи навязчивых поклонников мамулинного писательского таланта, жаждущих лицезреть своего кумира и получать автографы! А мамуля тем временем совершенно по-онегински удалялась в поля с черного хода. И сколько раз мамуля, увлекая в дальнюю комнату некстати появившегося Дениса Кулебякина, настынивала это «Умчи меня...», позволяя мне тихо сбежать из дома и присоединиться к подружкам на девичнике!

Получив сигнал, я не стала мешкать и быстро отступила за спины тетушек. Клавдия Васильевна, оставшаяся на передовой в одиночестве, вынужденно приняла командование на себя. Хорошо поставленным голосом с точно выверенным соотношением ласковых и укоризненных интонаций воспитательница с сорокалетним стажем поинтересовалась, долго ли бедных женщин будут держать в сыром помещении в неподобающем сезону и ситуации облачении? Тетушки-бабушки тут же загомонили в поддержку требования, замаскированного под вопрос.

– Если я немедленно не переоденусь в сухое, у меня радикулит разыграется! – пригрозила одна из старушек.

Остальные дамы воспользовались моментом, чтобы озвучить краткий перечень собственных болячек, способных быстро и фатально обостриться в результате переохлаждения.

– Туда нельзя! – вновь оглянувшись, сказал милицейский парень.

– А мне лично туда и не надо, мои вещи вот в этом шкафчике! – свирепо огрызнулась одна из тетушек.

Размахивая полотенцем, она решительно выступила вперед и открыла ближайший шкафчик в первой линии, а затем сорвала с головы резиновую шапочку, шмякнула ее на скамейку и, ожесточенно сопя, принялась стягивать с пухлых плечиков лямки купальника.

– И мой шкафчик тут, вот он! – стихийное стрип-шоу пополнила еще одна возрастная участница.

Вызывающе поглядывая в сторону смущенного милицейского товарища, тетки принялись переодеваться. Дамы, чьи вещи остались на закрытой для доступа территории, зашумели громче прежнего. Вслед попятившемуся парню полетели крики:

– Нет, вы что думаете, мы будем тут стоять и мерзнуть?

– А пойдемте, бабоньки, без разрешения! Не имеют они права нас задерживать, мы им не арестанты!

– Да мы их грудью выдавим! – азартно выкрикнула одна из толстух, явно радуясь возможности продемонстрировать свои более чем весомые достоинства в жарком деле – ее груди, способные выдавать из помещения сборную Японии по сумо, воинственно выпятились.

– А ну, цыц! – гаркнул, выкатившись из-за стенки, невысокий толстый дядька, похожий на одного из героев мультфильма «Колобки идут по следу». – Живо всем успокоиться!

А парню в свитере и джинсах он велел:

– Соколовский, организуйте выдачу гражданкам их личных вещей и одежды.

У Колобка был командный голос, пресекавший порыв к непослушанию на корню. Тетушки-бабушки враз притихли и отступили за демаркационную линию в коридорчик. Соколовский опасливо приблизился, собрал во вместительную, как суповая миска, ладонь ключики от шкафчиков и засновал в челночном режиме туда-обратно, таская озябшим теткам охапки их барахла.

Я получила свое добро одной из последних, но это не помешало мне одеться раньше других. Пока тетушки-бабушки, ворча и толкаясь локтями, неловко переоблачались в тесном коридорчике, я вернулась в душевую, под шум капели из плохо закрученного крана проворно переоделась и, не дожинаясь новых распоряжений, выскочила в зал бассейна. Там было пусто, только вдоль бортика ходила тетка с шваброй.

– Кого там убили-то? – кивнув на дверь душевой, с боязливым интересом спросила она.

– Значит, в раздевалке кого-то убили! – сделал закономерный вывод мой внутренний голос. – Тогда понятно, почему туда никого не пускают. А мамуля тут, интересно, при чем?

– Не знаю! – сердито буркнула я, что вполне сошло за ответ на вопрос любопытной уборщицы.

– Во всяком случае, убили не мамулю, она-то жива, раз песни распевает! – угадав мою тревогу, утешил меня внутренний голос.

Я толкнула дверь с табличкой «Служебный выход» и оказалась в предбаннике с фенами. Все до единого агрегаты были свободны, но я пренебрегла сушкой волос. Слева от меня, за стеклянной перегородкой, был пустой тренажерный зал, справа – дверь женской раздевалки, и вот за ней-то происходило немало интересного. Я слышала шум голосов, звуки шагов и отдаленный ропот тетушек-бабушек, активно шуршащих одеждами и кульками. Мне очень хотелось заглянуть в помещение, но дверь была закрыта, и замочной скважины в ней не нашлось. Что там делает мамуля? И зачем она поспешила отправить меня из раздевалки? Послала за помощью?

– Тогда не теряй времени, вызывай кавалерию! – посоветовал мне внутренний голос.

Я поискала в сумке телефон и вспомнила, что он у меня в кармане шубки. У меня там даже два мобильника, свой и чужой! Я без помех спустилась на первый этаж, но до гардероба не дошла, потому что прямо на выходе в холл попала в лапы еще одного дюжего молодца типичной милицейской наружности.

– Из бассейна? – безошибочно догадался он, взглянув на мои влажные волосы. – Никуда не уходим, группируемся в кафе.

Молодец протолкнул меня в стеклянную будку маленького кафетерия и закрыл выход своей широкой спиной.

– Отлично! – с сарказмом сказала я и испытующе взглянула на юного буфетчика, лопухонького паренька с коротко подстриженными каштановыми волосами.

Он смотрел на меня широко раскрытыми глазами испуганного чебурашки.

– У вас есть горячий шоколад? – подойдя к прилавку, спросила я.

– Пятьнадцать рублей.

Я достала кошелек, открыла его, выудила сторублевую купюру и положила ее на прилавок.

– Горячий шоколад и пирожок с курагой.

Милицейский молодец повернулся ко мне спиной.

– А телефон у вас есть? – шепнула я чебурашистому юноше, отведя его руку со сдачей.

Телефон был, и добрый юноша передал мне его без расспросов, за что я прониклась к нему глубочайшей благодарностью, которую семьдесят пять рублей чаевых выражали лишь отчасти. Милицейский молодец выдвинулся ближе к лестнице, по которой плотным косяком

пошли тетушки-бабушки, и принялся загонять их в кафе. Я прикрылась плечиком и под шумок позвонила домой.

– Апартаменты фамилии Кузнецовых! – объявил папуля важно, как дворецкий английского поместья.

Я взглянула на часы: половина первого. Утром папуля грозился подать на ужин запеченные куропатки с виноградными улитками по-викториански и, видимо, уже приступил к поварским трудам. Глава нашей фамилии – довольно известный кулинар-изобретатель. С него станется возиться с куропатками и виноградными улитками днем и ночью. Мамуля, приветствующая равенство полов, супругу в этом нисколько не препятствует, к куропаткам (а тем более к улиткам) не ревнует и открыто радуется отсутствию необходимости лично стоять у плиты.

– Пап, выйди из образа! – потребовала я. – У нас ЧП.

– Слушаю! – совсем другим голосом отозвался папуля.

Еще не так давно он был военным и осиротил вооруженные силы в звании полковника. На примере папули я прекрасно понимаю смысл выражения «ушел в запас». Это как в песне: «Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути». Сейчас папуля – мирный кулинар, но в запасниках его души хранится до востребования настоящий полковник. И по тому, как прозвучало короткое слово «Слушаю!», мне стало ясно, что папуля в долю секунды махнул полотняный поварской колпак на каракулевую папаху.

– В бассейне случилось убийство, – зашептала я в чужой мобильник под прикрытием конспиративно надкушенного пирожка. – Подробностей не знаю, но похоже, что мамуля вляпалась в историю.

– Оставайся на месте, я скоро буду, – распорядился папуля.

– Есть! – с готовностью ответила я.

Трубка решительно загудела: кавалерия, поднятая по тревоге, ринулась в бой.

Невезучий, но совсем не скучный денек едва перевалил на вторую половину.

Глава 5

Передоверив командование старшему по званию, я почувствовала облегчение и с чистой совестью доела пирожок. Это подкрепило мои силы, и я легко перенесла короткую беседу тет-а-тет с парнем в джинсах и свитере.

Этому любознательному оперу очень хотелось знать, кого конкретно и в какой именно последовательности я встречала сегодня в раздевалке либо на подступах к ней. Я добросовестно перечислила парню всех, кого видела, не исключив из перечня его самого и начальственного Колобка с командным голосом, после чего мой собеседник слабо поморщился и уточнил, какой именно промежуток времени его интересует: приблизительно с одиннадцати до двенадцати часов. Мой список сразу же ужался, как шерстяной джемпер после стирки в горячей воде. В таком виде он не вызвал у оперативника большого интереса (список, а не джемпер, потому что как раз на мой джемперок с глубоким вырезом молодой человек поглядывал весьма увлеченно), и меня отпустили. Я взяла в гардеробе шубку, оделась, сменила обувь и вышла на крыльцу.

Погода была прекрасная, но не для бобров, конечно. Я распахнула шубку, закрыла глаза и подставила лицо золотым лучам нежаркого солнышка.

Впереди трезвонили троллейбусы, рычали и сигналили автомобили, топали пешеходы, в скверике через дорогу щебетали птички. Один особо горластый соловушка заглушал своим пением даже рев автомобильных двигателей. Наконец до меня дошло, что это распевается чужой мобильник в кармане моей шубки. Я достала его, открыла, но, пока думала, куда нажать, птичья трель смолкла.

Честно признаюсь, в технике я не спец. Приборы, оснащенные более чем одной кнопкой, я обычно осваиваю под чутким руководством брата, папы или Дениса. Они мне терпеливо, под запись, объясняют, что получится, если нажать туда или туда. Мужчины, я заметила, понимают такие вещи интуитивно. Я думаю, это потому, что у них мышление неуклонное и однозначное, как движение поезда из пункта А в пункт Б строго по прямой. А мы, женщины, мыслим криволинейно, наши думы могут виться и петелькой, и спиралькой, и клубочком – да хоть лентой Мебиуса! И для нас вовсе не факт, что состав, который утром вышел из пункта А, вечером обязательно прибудет в пункт Б. Он запросто может запропаститься на неделю-другую, а потом оказаться в каком-нибудь пункте І, не нанесенном ни на одну карту! Наверное, именно эту неэвклидову геометрию мысли мужчины насмешливо называют женской логикой.

Я внимательно рассмотрела чужой телефон, особо заинтересовавшись двумя кнопочками: черной и белой. Все остальные кнопки были серебристо-серые. Это заставило задуматься. Вот у меня на мобильнике среди прочих тоже есть пара кнопок необычного окраса – одна зеленая, а другая красная. Зеленая разрешает принять или отправить вызов, а красная его отменяет или обрывает. Принцип светофора, любой идиот поймет! А тут как же?

– Идиот, может, и понял бы, но ты-то женщина! – ехидно напомнил мой внутренний голос.

Назвать меня идиоткой он все-таки не рискнул.

– Попробуем применить женскую логику, – бодро молвила я. – Итак, белая кнопка и черная… Черное у меня ассоциируется с неграми. Негры – с рабами. Рабы, по определению, работают. Значит, эта черная кнопочка функционально должна соответствовать моей зеленой, а белая красной, потому что традиционно белые бездельничают, эксплуатируя труд черных. То есть, чтобы активизировать данный телефон, надо придавить черную кнопку!

Я так и сделала, но ничего не произошло. Внутренний голос противно хихикнул.

– Ладно, попробуем другую ассоциацию, – не сконфузилась я. – Возьмем, к примеру, шахматы! Там игру начинают белые фигуры.

С этими словами я придавила белую кнопку, и аппарат ожил – любезно сообщил мне, который час, и подсказал комбинацию кнопок, позволяющую разблокировать мобильник. Я не заставила себя упрашивать, нажала на указанные кнопки, и дисплей заиграл всеми цветами радуги. В левом нижнем углу высветилось слово «меню». Поэкспериментировав с кнопками, я сумела открыть список «своих» номеров. Первым в нем значилось некое Солнышко.

– Полагаю, это прозвище любимой (или любимого) владельца (или владелицы) мобильника, – высказал свое авторитетное мнение внутренний голос.

– Ежу понятно! – с апломбом сказала я и легким движением руки вызвала на телефонный разговор чужое Солнышко.

К сожалению, вызов сразу же оборвался. Я повторила попытку – с прежним нулевым результатом. Внутренний голос смешливо фыркнул, я обругала его бестолочью и надулась. Что такое, в чем проблема? Я понимала одно: придется мне опять обращаться за помощью к мужчинам с их скучным черно-белым мировосприятием!

Цыкнув на злорадно хихикающий внутренний голос, я поисками глазами подходящий экземпляр Хомо Более-или-Менее-Сапиенс и зацепилась взглядом за подкатившее к зданию такси. А из него выпрыгнул – кто бы вы думали? Во всех смыслах подходящий мужчина – мой милый друг Денис Кулебякин!

– Дениска! – неподдельно обрадовалась я.

Следом за капитаном Кулебякиным из машины выбрался наш полковник.

– Папуля!

– Дочь! Я прибыл! – коротко бросил полковник от кулинарии, проходя мимо меня шагом, весьма близким к строевому.

Это выдавало его высочайший боевой дух, потому что в миролюбивом настроении папуля идет по жизни трогательной косолапой поступью мультипликационного Винни Пуха. Физически безупречный (мне ли не знать!) капитан Кулебякин тоже шествовал быстро и целесустримленно, и его реплика, адресованная мне, также была лаконична:

– Жди здесь!

Офицеры командного состава вошли в здание, а я осталась на крыльце, как караульный новобранец: совсем одна, если не считать бестолковый внутренний голос и бессловесных шубных бобров.

Обратясь к логике (не женской, а в стиле унисекс), я решила, что папуля начал военную кампанию по освобождению мамули сразу же после моего звонка. Ведь он ни о чем не спросил меня, значит, успел получить достаточную информацию из других источников. Сам за себя говорил и сделанный папулей выбор спутника: уж наверное, любящий родитель среди дня выдернул из главка опытного эксперта-криминалиста не для того, чтобы порадовать нежданной встречей с милым свою дорогую дочурку!

Я вздохнула при мысли о том, как далек от безмятежной лирики текущий повод для встречи с любимым, и приготовилась ждать возвращения военного отряда.

Минут через пять из здания поштучно и парами стали выходить мои компаньонки по заплыву, но мамули все не было и не было. Я ждала минут сорок и за это время успела додуматься до светлой, как мне показалось, мысли. Она сводилась к тому, что неплохо было бы списать номерок Солнышка с постороннего мобильника и попробовать позвонить этому карликому светилу чужой вселенной с собственного аппарата. К несчастью, он разрядился. Поскольку аналогичная беда могла случиться и с чужим телефоном, я на такой случай старательно переписала одиннадцатизначный «солнечный» номерок на первую попавшуюся под руку бумажку, решив, что позвоню Солнышку при первой же возможности – из офиса родного агентства «МБС», например.

Как раз в этот момент появилась долгожданная мамуля. Она вышла из здания под ручку с папулей. Он заботливо поддерживал ее и ласково рокотал что-то утешительное, увлекая супругу к нашему семейному «Форду». Капитана Кулебякина в арьергарде не было.

– А где Дениска? – спросила я, пристраиваясь к родителям замыкающей.

– На задании, – коротко ответил папуля, бережно усадив деморализованную супругу в машину.

Он еще не вышел из образа и был настроен на жесткое общение в стиле милитари.

– А какое у него задание? – не отставала я.

– Особо важное, – сказал папуля, ничего этим не прояснив.

– Родину спасти? – съязвила я.

– Скорее, родню. Денис должен найти следы настоящего убийцы и вывезти из-под подозрения твою мать! – расстроенно ответила мамуля, выделив голосом последние два слова так, что это прозвучало как ругательство.

– А как ты попала под подозрение? И что вообще случилось? Кого убили? – зачалила я, забравшись в салон.

Проявить любопытство к данной теме казалось мне вполне естественным, но у папули было иное мнение.

– Индия, уймись! – требовательно глянув на меня в зеркальце заднего вида, приказал он не с полковничьей даже, а прямо-таки с генеральской строгостью.

Мамуля промолчала, и я поняла, что ничего они мне не расскажут. По крайней мере, сейчас. Конечно, рано или поздно я все равно вытрясу из мамули все душераздирающие подробности жуткого ЧП. Вернее, она сама все расскажет, и не только мне. Чтобы наша мастерица плести кошмары из сущей ерунды не пустила в дело высококачественное дармовое сырье?! Да реальный шанс ознакомиться с трагической историей имели все ее читатели!

– Ну и ладно, ну и молчите, вам же хуже будет, останетесь без сеанса психоанализа и отпущения грехов! – пригрозила я, слегка преувеличив свою роль в борьбе за душевное спокойствие предков. – И вообще, я с вами дальше не поеду! Останови у больницы, папочка, я выйду!

– Зачем тебе в больницу, Дюшенька? – папа забеспокоился и мгновенно помягчал. – Что с тобой? Ты плохо себя чувствуешь?

– Нет, я плохо себя веду! – устыдилась я при виде родительского волнения. – Со мной все в порядке, просто мне нужно Бронича в больнице навестить. У нас сегодня сделка века сорвалась, так шефа чуть удар не хватил, «Скорая» увезла его прямо с работы.

– Да что ты?! – добрячка мамуля тут же забыла о собственных бедах. – Бедненький Михаил Брониславич! Боря, дай Дюше денег, она купит цветы, фрукты и сок.

Папуля с готовностью раскрыл кошелек, и из машины я вылезла, помахивая пятисоткой. Правда, на покупке букета я сэкономила. Решила, что успею засыпать шефа цветами при худшем развитии событий, а при жизни он вполне обойдется соком и фруктами.

Пакет с бананами и хурмой у меня забрала Люся. Она сидела на подоконнике в тамбуре перед невропатологическим отделением и от нечего делать бессмысленно возила пилочкой по нарощенным ногтям, которые не поддались бы и алмазному стеклорезу.

– Ангелина Павловна уже тут, беседует с врачом, – объяснила она свое присутствие в богоугодном заведении. – Нас с тобой к шефу наверняка не пустят, его нельзя беспокоить, так что езжай-ка ты, Инка, в офис. Сделка века сорвалась, но, может, какая-нибудь другая работа подвалит? Бронича это очень подбодрило бы.

Я послушно поехала на работу, для чего опять пришлось воспользоваться услугами общественного транспорта.

В обеденный час народу в троллейбусе было не меньше, чем свежемороженной сайры в хорошо спрессованном кубометровом брикете. Оценив опасность, грозящую моим мехам,

я еще на остановке сняла шубку, вывернула ее подкладкой наружу и втиснулась в троллейбус, обнимая бережно свернутых бобров, как спеленутого младенца. Думала я только о том, как сделать путешествие шубки в общественном транспорте наименее травматичным для нее, любимой, и поэтому не заметила, кто и когда запустил свою вороватую лапу в мою сумку. И только на остановке, уже выбравшись из переполненного троллейбуса, я обнаружила, что накладной карман на моей новой торбе взрезан и выпотрошен, как та сайра, чтобы ей провалиться ниже всех водоносных горизонтов!

Горестно ахнув, я проверила содержимое препарированного кармана и основного отделения сумки. Выяснила, что кошелек с кредитными карточками и остатками пятисотки, пожертвованной папулей на доброе дело, остался при мне. На месте были служебное удостоверение, ключи от квартиры, а также все принадлежности для бассейна. Зато я лишилась сразу двух мобильников, которые перед погрузкой в троллейбус переложила из шубного кармана в сумочный.

Это крайне неприятное происшествие заставило меня поменять планы на вторую половину дня. В офис я забежала только для того, чтобы позвонить со служебного телефона Денису на мобильный и озабоченно спросить милого:

- Кулебякин, быстро скажи, что нужно делать, если у тебя стырили мобильник?
- У меня?
- Нет, у меня!
- Ах, у тебя! – Милый, кажется, не особенно удивился.

Капитан Кулебякин считает меня довольно легкомысленной и не слишком везучей особой. Может, он потому и рвется на мне жениться, чтобы обеспечить надежный милицейский пригляд за гражданкой, постоянно испытывающей на себе неблагоприятное воздействие общей криминогенной обстановки.

– Если у тебя украли мобильник, нужно сделать следующее. – Милый по обыкновению был обстоятелен. – Первое: надо поехать с паспортом в головной офис компании, предоставляющей услуги сотовой связи, чтобы заблокировать номер. Второе: в УВД района оставить заявление о краже телефона. Третье: пойти и купить новый мобильник, потому что шансов на то, что найдется украденный, очень мало, а я не хочу, чтобы ты осталась без связи.

- Так, может, ты и купишь мне новый мобильник? – съязвила я.
- А что мне за это будет?
- Капитан Кулебякин, ты шантажист и вымогатель! – рассердилась я. – У меня неприятности, а ты думаешь только о сексе!
- А кто говорил о сексе? – Денис неискренне изобразил удивление. – Я же не виноват, что ты не способна изыскать иной вид вознаграждения, кроме натуроплаты!
- Ах, так?! – не придумав достойного ответа на это ехидное замечание, я бросила трубку. И чем, интересно, он хочет, чтобы я с ним расплачивалась? Нефтьдолларами?!
- Чтобы я еще раз! С ним! Да никогда в жизни! – сердито бормотала я, набирая номер службы такси.

Как бы ни злилась я на Дениса, а пренебрегать его советами не собиралась. Выданную мне капитаном Кулебякиным инструкцию я намеревалась выполнить в точности и без промедления, для чего и вызвала такси.

Машина прикатила буквально через минуту, я даже не успела толком объяснить Кате суть своих проблем. На дверце новенькой серебристой «дэушки» выше шашечек красовалось название такси – «Мега», а ниже тянулась надпись: «Транспорта виды все хороши, но только «Мега» – такси для души!». Поскольку я девушка с фантазией и эрудицией, то девиз меня насторожил.

- Надеюсь, вас не Хароном зовут? – усаживаясь в машину, с подозрением поинтересовалась я у таксиста.

– Нет, я Виктор, – слегка удивленно ответил он. – А кто такой этот Харон, который вам не нравится?

– Ваш коллега, тоже перевозчик душ, – угрюмо объяснила я. – С этого света на тот!

– Обижаете, девушка! Я хороший водитель! Восемь лет за рулем без единой аварии! – насупился Виктор.

– Поплюйте, чтоб не сглазить! – посоветовала я и объяснила, куда ехать.

Задетый за живое моим вопросом, таксист всячески старался продемонстрировать мне свое высокое профессиональное мастерство, но фортуна нынче была обращена ко мне тылом. За две остановки до офиса сотовиков такси намертво встало в пробке. Остаток пути я вынуждена была проделать пешком, что отнюдь не улучшило моего настроения. Правда, общение со связистами не затянулось, вопрос с отлучением от сети похищенного мобильника решился быстро. Зато в УВД меня помариновали! Причем я так и не поняла, чем была вызвана проволочка. То ли милиционеру, который принимал мое заявление, так сильно понравилось мое общество, что он не желал его лишаться; то ли у него теплилась надежда, что мне вся эта тяготина надоест, я плюну на заявление и откажусь от идеи возвратить мобильник с помощью милиции? Так или иначе, домой я вернулась уже затемно, в начале седьмого.

– Дюшенька, ты не знаешь, кто лежит на перроне с ракитом и плоскостопием? – озабоченно спросила бабуля, открывшая мне дверь.

– Дедушка, – ответила я, нисколько не удивившись неожиданному вопросу.

– Чей дедушка? – заинтересовалась бабуля, опустив газету с кроссвордом.

По ее скорбному тону чувствовалось, что ей искренне жаль несчастного больного старичка.

– Группы «Ногу свело!».

– То есть заболевание у этих музыкантов наследственное? – бабуля мигом повеселела, лишний раз убедившись, что законы генетики по-прежнему работают.

Наша бабушка почти полвека преподавала школьникам биологию и до сих пор убеждена, что царица всех наук – это вовсе не математика. На данную животрепещущую тему она периодически жарко дискутирует со своей подружкой Раисой Павловной. Та была как раз учительницей алгебры и геометрии и пронесла по жизни непоколебимую веру в то, что математики – лучшие представители человечества. Обе старухи имеют звание заслуженного учителя, и это официальное равенство придает их запоздалому соперничеству характер вечного. Когда две экс-училки трубными голосами начинают спорить о том, чьи посевы на ниве просвещения оказались гуще и колосистее, я думаю, что Минобразу следовало отправить их не на пенсию, а на Марс. Своими воплями они запросто пробудили бы мертвую планету к жизни!

К счастью, голосистые старушки редко встречаются лично, чаще они общаются по телефону и через посредников в лице более молодых членов нашей семьи. У Раисы Павловны слабое сердце и больные ноги, она редко выходит из квартиры, а наша бабуля вполне здорова, но весьма церемонна и упрямо посещает подружку только с ответным визитом. В общем, мы с Зяйкой у старух на посыпках: через нас они регулярно обмениваются газетами с шарадами и головоломками.

– Бабе Рае что-нибудь отнести надо? – не спеша разуваться, спросила я.

– Два слова осталось, – вместо ответа сообщила бабуля, вручая мне газету с кроссвордом.

– Хочешь, поищем ответы в Интернете, – предложила я.

– Конечно, нет! Как можно? – оскорбилась бабуля. – Это было бы неблагородно по отношению к Раечке! У нее же нет Интернета.

В следующий момент благородная старуха хитро усмехнулась и добавила:

– К тому же, даже если Рая разгадает оставшиеся два слова, это ее не спасет. На этой неделе у нас счет пять – ноль в мою пользу!

Я показательно развела руками – мол, иначе и быть не могло! – развернулась на пороге и с газетой в кулаке зашагала вниз по лестнице, в десятую квартиру.

Раиса Павловна не откликнулась ни на стук в дверь, ни на музыкальную трель звонка, ни на мой относительно мелодичный голос. Я заволновалась, не случилось ли с одинокой больной бабулькой чего плохого, и побежала в двадцать первую квартиру, к своей собственной подруге Алке Трошкиной. У нее с давних пор хранится запасной ключ от хором Раисы Павловны.

Ключик этот достался Алке, можно сказать, по наследству, от бабушки, которая была закадычной подружкой Раисы Павловны и моей собственной бабули. Замечательная была старушка, царство ей небесное! Кроткая, говорчивая, добродушная – я, бывало, Алке завидовала. Ее бабушка всю жизнь проработала чертежницей, болтать языком не любила и образовывала прекрасную буферную зону между двумя despoticными и говорливыми училками.

– Алка! Почему у тебя опять дверь нараспашку? – недовольно спросила я, без стука войдя в двадцать первую квартиру.

– Разве она нараспашку? – отозвалась подружка. – Странно… Вроде я закрывала за Лелем.

– Опять у тебя был этот педик? – Я вошла в комнату, бухнулась на диван и взмахнула свернутой в трубочку газетой, как саблей. – Гони ты его куда подальше! Ясно же, что никакого толку от мужика по имени Лель не будет!

– А какого толку, по-твоему, мне от него надо? – кротко поинтересовалась Алка. – Притягательный мальчик, хорошей косметикой торгует. Я у него чудный антицеллюлитный кремчик прикупила.

Я оглядела хрупкую фигурку подружки, восседающей на высоком стуле за письменным столом точь-в-точь, как первоклассница за партой – тряся косичками над раскрытым тетрадью, и спросила:

– И зачем тебе этот крем? У тебя бараний вес, сорок кило, и ни грамма жира. У тебя никак не может быть целлюлита!

– А вдруг? – Алка уперлась. – Целлюлит – он, знаешь, какой коварный! Подкрадется незаметно, а я его – раз! И сниму на подходе!

По Алкиным словам, можно было подумать, что целлюлит – это тайное имя японского ниндзя, который может материализоваться из воздуха в любой момент, к чему предусмотрительная Трошкина, к счастью, уже готова.

– Отлично, – невпопад заметила я. – А чем это ты занимаешься?

Алка чикала ножничками, старательно кромсая иллюстрированный журнал. Заметив интерес к своему рукоделию, она растопырила локти и тщетно попыталась закрыть от меня белый ватманский лист, густо заляпанный цветными кляксами.

– Опять карта желаний? – догадалась я. – Ну-ка, дай посмотреть, что тут у тебя новенько появилось!

Бесцеремонно потеснив подружку, я подсела к столу и с интересом рассмотрела ее сложную аппликацию.

В центре листа помещалось хорошее цветное фото радостно улыбающейся Трошкиной. От ее сияющей физиономии, как лучики от солнышка, в разные стороны отходили линии, каждая из которых вела к какой-нибудь картинке. Рисунки, вырезанные из журналов, символизировали Алкины желания. Большой красивый дом, сияющий лаком автомобиль, сказочный ларец с золотом и каменьями (жадные руки Кощея Бессмертного Трошкина безжалостно отрезала) и груды модных тряпок говорили сами за себя. Отдельной кучкой помещались пирамида Хеопса, Эйфелева башня, статуя Свободы и вислоухий каменный идол с острова Пасхи: это Алка мечтала о путешествиях. Интеллектуальные потребности Трошкиной воплощали открытки с изображением Лувра, Эрмитажа, планетария и буддистского монастыря, наклеенные веером. Амбиции оптом выражала статуэтка «Оскара», имеющая, как я понимаю, глу-

боко символическое значение общей творческой успешности, потому как к искусству кино Трошкина до сих пор никакого отношения не имела. Отдельными пунктами были выведены дети (фото шестерки желтокожих близнецов в коммунальной кроватке китайского роддома) и любимый мужчина, у которого было смуглое мускулистое тело Антонио Бандераса без его родной бандерасовской головы.

С личностью любимого мужчины Алка еще не определилась, поэтому для данного персонажа у нее имелся целый набор съемных голов на липучках из двустороннего скотча. В настоящий момент у сборно-составного мужчины на плечах не было вообще ничего. Роман с последним кавалером (им весьма недолго был мой переменчивый братец Зяма) Трошкина тактично перевела в плоскость сугубо дружеских отношений и пока еще никем не заполнена опустевшую постельную горизонталь. Я порадовалась, что она не прилепила на плечи Бандераса встрепанную головенку Леля – этот худосочный юноша, занимающийся не мужским делом распространения косметики, мне решительно не нравился.

– А это к чему?

Меня живо заинтересовала незаконченная картинка, изображающая Бабу-ягу, выглядывающую из окошка маломерной избушки на мозолистых куриных ногах. Трошкина зачем-то дала Яге в одну руку подзорную трубу, в другую – брызгущую водой садовую лейку, а к желтой голени избушки боком прислонила толстого рыжего кота из мультика про попугая Кешу. С фрейдистским толкованием картинки, выражавшей какое-то из Алкиных желаний в столь замысловатой форме, я затруднилась.

– Сейчас объясню, только закончу, – пообещала Трошкина, старательно приклеивая над окошком вывеску: «Роспечать».

– Алка, неужели ты мечтаешь на склоне лет торговать газетами в окрестностях птицефабрики? Между делом организуя водные процедуры для домашних животных, страдающих ожирением? – озадаченно разглядывая непростую картинку, спросила я.

– С ума сошла? – Трошкина недоверчиво посмотрела на собственный шедевр. – Мне казалось, тут все понятно! Я желаю, чтобы бедная старуха снова была дома. Чтобы она сидела, как обычно, у окошка, наблюдая в бинокль за соседями, скирдовала в прихожей макулатуру с кроссвордами, поливала герань в горшке и закармливала «Вискасом» своего наглого жирного кота!

– Бедная старуха – это не Баба-яга? – я что-то начала понимать.

– Конечно, не Баба-яга! Стала бы я мечтать о Бабе-яге! – возмутилась Алка. – Я о Раисе Павловне беспокоюсь! С ней сегодня приступ случился, и теперь она в больнице лежит. Хоть бы выкарабкалась, бедняжка!

– Ах, так это Раиса Павловна! – я вздохнула с облегчением и с новым интересом посмотрела на крючконосую бородавчатую Бабу-ягу. – Ты только не показывай Раисе Павловне эту картинку, когда она выйдет из больницы, а то можешь спровоцировать новый приступ, на этот раз – с летальным исходом!

– Да ладно тебе критиковать, у меня просто нет ни одной ее фотографии, и другой нарисованной старушки я не нашла, – смущенно объяснила Алка.

– Да, в гламурных журналах фото моделей пенсионного возраста – большая редкость, – согласилась я, вставая со стула.

– Ты уже домой? – спросила Алка. – Возьми в прихожей на тумбочке журналчик. Раиса Павловна, бедненькая, очень волновалась, что не может вернуть его твой бабуле. Уже на носилках все повторяла: «Кате, Кате!» – и тряслася журналом.

– Азартная бабуленция! – с невольным уважением сказала я. – Нет, она так просто не умрет, не волнуйся! Ей еще счет сравнять надо, а то бабуля на этой неделе здорово опередила ее по очкам.

Подбодрив подружку, я взяла журнал Раисы Павловны и пошла домой. Денек выдался такой бурный, что мне очень хотелось завалиться на диванчик и поспать часок-другой перед поздним ужином. Я предвидела, что запланированная на вечер дегустация викторианской куропатки с улитками потребует большого напряжения всех душевных сил: ну, не люблю я ползучих тварей, ни живых, ни запеченных! А отказаться от экзотической трапезы нельзя, для папули это будет смертельная обида.

– Ба, это тебе от бабы Раи! – я мимоходом отдала бабуле журнал и со всей возможной деликатностью сообщила, что Раиса Павловна попала в больницу.

Хотя наши старушки-подружки общаются между собой примерно так же нежно, как две бодливые коровы, они очень привязаны друг к другу. Узнав о болезни Раисы Павловны, бабуля очень расстроилась, даже сама стала хвататься за сердце. Мамуля повела ее на кухню пить валерianовые капли вприкуску с мятым пряником, а папуля принялся выгребать из холодильника яблоки и апельсины, чтобы собрать передачку захворавшей соседке.

– Что за день такой? – недовольно бурчала я, взбивая подушку на своем диванчике. – Бронич в больнице, Раиса Павловна в больнице... Не хватало еще, чтобы бабуля угодила на больничную койку, и тогда мы точно разоримся на фруктах и соках!

Это не был приступ жадности, просто сказалась усталость. Я бухнулась на подушку, закрыла глаза и некоторое время размеренно сопела, страстно желая уснуть. Не вышло: сначала в прихожей зазвонил телефон, а потом послышался настойчивый стук в мою дверь.

– Никого нет дома! – сердито крикнула я, натягивая плед на голову.

– Дюша, тебя к телефону! – громко сказала мамуля. А потом еще прошептала в щелочку приоткрытой двери:

– Это из милиции!

– Из милиции?

Я неохотно вылезла из-под пледа, покинула уютный диванчик и побрела к телефону, отчаянно зевая и мысленно клянясь себе убить Дениса Кулебякина, если это он лишает меня покоя и сна, прикрываясь служебным положением.

Это был не Денис. Позвонил тот милицейский товарищ, который час назад принял мое заявление о краже мобильника. У него были для меня две новости, одна хорошая, другая не очень. Во-первых, бравая троллейбусная кондукторша своими собственными силами на подведомственной ей территории задержала, а затем сдала милиции карманника, у которого при обыске в отделении обнаружили мой телефон. Эта новость была для меня хорошей, а для милицейского товарища просто чудесной, он так и сказал, не тая удивления:

– Чудеса, да и только! Надо же, как повезло вам, Индия Борисовна, даже не верится!

Вторая новость была похуже: за мобильником, обретенным столь чудесным образом, мне предложили прибыть незамедлительно. К счастью, папуля с бабулей как раз собрались ехать на нашем семейном «Форде» в больницу к Раисе Павловне. Они подбросили меня к отделению и пообещали подхватить на обратном пути.

– Не задерживайтесь там! – попросила я, вылезая из машины у чугунной ограды милицейского заведения.

По дороге мы успели позвонить в больницу и выяснить, что Раиса Павловна чувствует себя гораздо лучше. Я всерьез опасалась, что бабуля с подруженькой на радостях устроят в лазарете сеанс одновременного разгадывания кроссвордов, а мне очень хотелось поскорее вернуться домой и воссоединиться с диванчиком.

Я еще не знала, что истязать мозги головоломками придется мне самой.

Глава 6

Едва прия в чувство, благородная старушка Раиса Павловна первым делом вспомнила об опасности, нависшей над родным городом отчасти по ее собственной вине. Перед ее мысленным взором, заслонив белый свет, встала страшная картина: вскрытый пакет с белым порошком на фоне обезлюдевших кварталов некогда населенного пункта.

– Детка... – слабым голосом позвала Раиса Павловна женщину, которая семенящим шагом вошла в палату, держа в руках полную тарелку.

В фаянсовой плошке с выщербленным краем плескалась бледно-желтая жижица не самого аппетитного вида. «Детка», безвозвратно вышедшая из младшего школьного возраста с полвека тому назад, осторожно поставила тарелку на тумбочку, бочком присела на соседнюю кровать и заворковала:

– Серенький, зайчик мой, просыпайся, будем кушать бульончик!

Повернув голову, Раиса Павловна разглядела торчащий из подушек острый нос с топорщимися под ним лохматыми усами. И нос, и усы действительно были серенькими. На предложение откусить их обладатель отозвался капризным бормотанием, в котором наиболее отчетливо прозвучали слова «бульончик» и «хрен». Простодушная Раиса Павловна подумала, что Серенький Зайчик с присущей грызунам любовью к кореньям просит сдобрить больничный супчик хреном, но ошиблась.

– На хрен так на хрен! – говорчivo согласилась Детка и принялась сама хлебать отвергнутый Сереньким бульон.

– Детка! – повторила Раиса Павловна, дождавшись, пока женщина откусает (это не заняло много времени).

– А? – Детка, уже двинувшаяся с пустой тарелкой к двери, обернулась. – Очухались, бабуля? Ну и правильно! Нечего на тот свет торопиться, похороны нынче дорогое удовольствие! Живите пока что!

С этими словами она ласково улыбнулась сначала Раисе Павловне, а потом Серенькому, словно предлагая им обоим постараться дотянуть до сезона оптовых скидок на ритуальные услуги.

– Детка, мне бы телефон, – попросила Раиса Павловна.

– Какой телефон, бабуля, вы что? – удивилась женщина. – Это же палата интенсивной терапии, тут кругом аппараты сложные, электроника, с мобильными никак нельзя! Вот погодите, даст бог, оклемаетесь, переведут вас в обычную палату на восемь койкомест, там говорите по телефону хоть сутки напролет. Были бы деньги! Телефон нынче дорогое удовольствие.

Раиса Павловна заерзала, спуская ноги с кровати.

– Куда?! – испугалась Детка. – А ну, лягте, как лежали! Я сейчас сестру позову.

Она ушла, но через минуту вернулась с другой женщиной в белом, и они вдвоем стали объяснять неразумной больной, что лечение нынче удовольствие дорогое, и если ей повезло своевременно получить качественную медицинскую помощь, то нечего сводить на нет усилия врачей.

– Вы не понимаете, я предупредить должна, – лепетала Раиса Павловна, со страхом глядя на полный шприц, который медсестра воздела вверх. Из отверстия иглы выплеснулся миниатюрный фонтанчик. – Дело в том, что одна женщина достала из помойки яд, которым другая женщина травила одного мужчину...

– И потом они все жили долго и счастливо и умерли в один день! – успокаивающе про журчала Детка.

А невозмутимая медсестра вкатила беспокойной пациентке укол, после которого ту быстро и надолго перестала волновать судьба как всего города, так и отдельных его жителей.

Проснувшись, Раиса Павловна обнаружила, что народу в палате прибавилось, а интерьер ее сильно изменился, деградировав от хай-тека к классическому сиротскому стилю. Никаких аппаратов сложнее карликового холодильника «Саратов» в помещении не имелось, а под большой была не высокая кровать с удобным ровным ложем, а скрипучая койка с провисшей сеткой, вполне пригодной для ловли раков. Трепыхнувшись в ней карасиком, Раиса Павловна выжала из своего спально-музыкального инструмента пару минорных аккордов. Этот звук привлек внимание других обитателей палаты.

– Прошнушлаш? – дружелюбно прошамкала с соседней кровати дряхлая бабушка, до самого подбородка укрытая синим больничным одеялом.

Над его верхним краем торчала маленькая голова в трикотажной шапочке, надвинутой на самые глаза. Это придавало бабушке лихой и задиристый вид уличной хулиганки.

– Та, милая, вще шпала да шпала, мы уж думали – померла шовшем! – Старушка забулькала веселым смехом, перешедшим в пугающие хрюпы.

– Тут есть телефон? – болезненно моргая от слишком яркого света, спросила Раиса Павловна.

– Не, тута нема, – покачала головой ее соседка с другой стороны, дородная молодайка в цветастом сатиновом халате. – У кого трубки были, дохтор забрал.

А общительная старушенция в шапочке, отперхав, набрала в грудь воздуха и выдохнула в три приема, как стих:

– Шибко вредная шещаш
Для наш
Шотовая швяц!

Дикция у беззубой рэперши была жуткая, но общий смысл сказанного Раиса Павловна уловила.

– Телефончик есть в ординаторской, – подсказала девочка-медсестричка, занятая установкой капельницы. – Попросите, и вас пустят позвонить.

– Спасибо, – поблагодарила Раиса Павловна, сядясь в кровати и отбрасывая в сторону одеяло.

Из одежды на ней была одна казенная ночнушка из блеклого ситца с неприлично большим вырезом и жирным чернильным штампом больницы в качестве оригинального декоративного элемента. В другое время Раиса Павловна, за десятилетия учительской практики привыкшая одеваться строго и аккуратно, постыдилась бы разгуливать по больничному учреждению в таком жутком наряде, но сейчас ее это не волновало. Набросив на плечи одеяло, она поплелась в ординаторскую.

Пока шла по коридору, решала, кому позвонить. По идеи, об угрозе массового отравления следовало сообщить в милицию, но звонить по «ноль два» Раиса Павловна откровенно боялась. Она опасалась, что милиция не станет вникать в тонкости мотивов, которыми она руководствовалась, когда выбрасывала пакет с ядом в общедоступный мусорный бак. Пожилую женщину до сердечных спазмов пугала перспектива оказаться «стрелочницей», которую объявит виновной в распространении ядовитого вещества. Мысленно Раиса Павловна кляла себя за моральную и физическую слабость. Если бы не этот крайне не своевременный сердечный приступ, она сразу же догнала бы Римму, чтобы забрать у нее опасный пакет. Теперь за нее это должен был сделать кто-то другой. Если еще не поздно, конечно.

Обминая от дурного предчувствия, Раиса Павловна добралась до ординаторской, попросилась к телефону и принялась дрожащим пальцем нажимать на кнопочки. Ей не повезло, в квартире лучшей и единственной подруги Катерины Максимовны трубку не снимали. Не отзывался и Катин мобильный. Других добрых знакомых, которым можно было бы доверить

деликатное поручение, у Раисы Павловны не было. Врачи, присутствующие в ординаторской, поглядывали на занимающую телефон пациентку без одобрения, и Раиса Павловна решилась потревожить Игоря Валентиновича Солоушкина. Взрослый сын Валентина Ивановича должен был знать, что случилось. В конце концов, именно он пристроил к отцу подлую Анжелику!

– Солоушкин, слушаю, – коротко и важно бросил в трубку Игорь Валентинович.

Раиса Павловна знала его еще Игорьком, но теперь сынок Валентина Ивановича занимал важный пост в каком-то департаменте. Робея от того, что она беспокоит такую значительную персону, бывшая учительница со множеством извинений и запинок изложила недовольно сопящему собеседнику суть своего дела.

– Баба Рая, напомните, как ваша фамилия? – выслушав ее, вполне доброжелательно спросил высокий чиновник.

– Чернова, Раиса Павловна Чернова, – успокаиваясь, ответила пенсионерка.

– Какая больница, палата, отделение? Кто лечащий врач?

Растроганная вниманием Раиса Павловна обстоятельно ответила на все вопросы.

– Будьте спокойны, я все устрою, – заверил ее Игорь Валентинович.

Утомленная, но успокоенная пенсионерка вернулась в свою палату и оставшиеся два часа до отбоя азартно разгадывала на пару с молодайкой Любашей непростой кроссворд в журнале «Смена».

Глава 7

Уже давно стемнело, на улицах зажглись фонари, стало заметно прохладнее, и я перестала жалеть, что спросонья и в спешке снова влезла в шубку. Долгий и утомительный день все не кончался, и от чередования в нем черных и белых полос начинало рябить в глазах. Мне повезло – я получила обратно мобильник, с которым по совету скептика Кулебякина успела было попрощаться, а вот бабуле нашей не посчастливилось. В больничном отделении, куда положили Раису Павловну, объявили карантин из-за гриппа, и бабуле не удалось повидать хворую подружку.

– Как же нам теперь общаться? Ведь у Раечки даже сотового телефона нет! – сокрушалась бабуля по дороге домой.

Я тихо улыбалась, радуясь, что у меня-то сотовый снова есть. Потом я вспомнила, что вернулся ко мне только один телефон, тогда как украдено их у меня было два! Радость моя потускнела и уступила место смутному беспокойству. Я чувствовала себя отчасти виноватой в том, как невесело сложилась судьба чужого мобильника. Сначала он потерялся, потом нашелся, но не успел с моей помощью вернуться к хозяину, как был украден троллейбусным воришкой...

– А ведь мы в ответе за тех, кого приручили! – назидательно сказал мой внутренний голос.

– И что я могу сделать? – с досадой спросила я. – Заявление о краже чужого мобильника у меня все равно не приняли бы, потому что не я его владелица.

– Тебе следовало хотя бы поинтересоваться в отделении, сколько краденых мобильников нашли при воришке! Может, два? Тогда хозяин «раскладушки» тоже мог бы получить свой телефон обратно.

– А что я? Пусть этим милиционеры занимаются, – отбрыкивалась я. – Это их прямая обязанность, возвращать краденые вещи законным владельцам!

– Так ведь милиционеры знать не знают, кто этот владелец! – резонно напомнил внутренний. – И сам телефончик им ничего не подскажет, симка-то из него тю-тю!

На это мне сказать было нечего. Троллейбусный воришко успел вытряхнуть сим-карту из моего собственного мобильника, и не было оснований надеяться, что он не сделал то же самое со вторым аппаратом. Не знаю, что в таком случае сможет сделать милиция. Пожалуй, ничем не поможет даже допрос с пристрастием, ведь вор, как и я сама, в глаза не видел настоящего владельца «раскладушки», он ее уже у меня стырил! Если вдуматься, у стражей порядка даже нет оснований считать этот мобильник краденым, раз на него никто не претендует.

И тут вдруг я вспомнила, что есть у меня одна ниточка, за которую вполне можно результивно потянуть! Я торопливо проинспектировала шубные карманы и нашла то, что искала – бумажку с записанным на ней телефонным номером чужого Солнышка. В машине было достаточно тихо – угнетенная бабуля помалкивала, а папуля наш вообще не из болтливых, и я решила немедленно приступить к розыскной деятельности – позвонить этому самому Солнышку.

Утрата сим-карты не стала помехой – у меня в кошельке, в практически не в используемом отделении для мелочи, лежала запасная «симка». Когда-то она была основной, но потом один нехороший человек скомпрометировал этот номер, написав его на визитке девицы по вызову.¹ Поскольку главным украшением той визитки было мое собственное фото в стиле «ню» (а этот стиль представляет мою внешность даже более выгодно, чем парадный дворцовый портрет), злосчастный телефончик возымел бешеную популярность, так что я предпочла его поменять. Однако «симку» выбрасывать не стала, рассудив, что запас карман не тянет. К

¹ О связанный с этим детективной истории читайте в романе Е.Логуновой «Молилась ли ты на ночь?».

сожалению, насмерть разряженный телефон в данный момент не позволял воспользоваться стратегическим запасом, поэтому я просто одолжила мобильник у бабули.

У Солнышка оказался бесконечно усталый мужской голос. Короткое словечко «алло» он произнес с такой безнадежностью и смертной тоской, что я испугалась, как бы данное живо-творящее светило не угасло в самом начале нашего разговора.

– Здравствуйте, сударь! – бодро сказала я, послав в трубку заряд позитивной ментальной энергии, которого хватило бы, чтобы наполнить до краев пару черных дыр.

И сразу же перешла к делу:

– Вы меня не знаете, но это неважно, гораздо важнее, что вы знаете, кто называет вас Солнышком. Ведь знаете же?

Утомленное Солнце озадаченно помолчало, а затем с тяжелым подозрением вопросило:

– Я не понял, в чем дело?

– Дело в трубке, – по-прежнему бодро и любезно ответила я. – Понимаете, сегодня днем я нашла потерянный кем-то мобильный телефон. Трубка лежала на троллейбусном сиденье, а в салоне уже никого не было, вот я ее и подобрала.

– Вы кто? – как мне показалось, испуганно спросил мужчина.

Не пойму, за что только его Солнышком прозвали? Мрачнейший тип, и притом туповатый, ему гораздо больше подошло бы красивое индейское имя Полное Солнечное Затмение!

– Я кто? Я-то добропорядочная гражданка, которая хочет вернуть законному владельцу утерянное им имущество! – ответила я, быстро раздражаясь. – Повторяю: сегодня днем я нашла в троллейбусе десятого маршрута бесхозный мобильник, «раскладушку», модель, извините, не запомнила. Да к бесу модель! Там в списке был ваш номер, обозначенный милым именем «Солнышко». Вас так родители окрестили? Нет? Я так и думала. Ну, и кто же та наделенная безграничной фантазией личность, которая называет вас Солнышком?

– А-а-а, я понял, – в трубке послышался тяжкий вздох. Мне показалось, что Утомленное Солнце приготовилось закатиться. – Вы нашли сотовый телефон моей подруги. Он у вас?

– Нет, не у меня. Он в милиции!

Обрадовавшись, что разговор сдвинулся с мертвой точки, я вновь сделалась любезна и вкратце пересказала собеседнику приключения блудного мобильника. Мне показалось, что рассказ получился забавным, но тусклое Солнышко моего остроумия не оценило. Уяснив сложившуюся ситуацию, мужчина все так же уныло поблагодарил меня за проявленную гражданскую сознательность и пообещал все уладить. Я не стала выяснять, что под этим подразумевается, решив, что свою роль в истории сыграла, а дальше пусть подруга-растеряша и ее неласковое Солнышко разбираются сами.

Мы подъехали к дому, и я первой забежала в подъезд, опередив бабулю и папулю. Они еще выгружались из машины, а я уже поднималась в лифте на пятый этаж, к Трошкеиной. Алка сильно волновалась о состоянии здоровья Раисы Павловны, и мне захотелось порадовать ее хорошей вестью.

– Ага! – возликовала Трошкеина, узнав, что ей стало лучше. – Значит, моя карта желаний работает!

Она на несколько секунд задумалась, глядя остановившимся взором на роговую пуговицу моей шубы, а потом подняла глаза к лампочке под потолком и спросила непосредственно у нее:

– Кому бы оторвать голову для мужчины моей мечты?

Это прозвучало весьма кровожадно.

– Трошкеина, прекращай собирать любимого из запчастей и неликвидов! – поежившись, попросила я. – А то получишь в супруги монстра Франкенштейна!

Алка вздрогнула, очнулась и перевела взгляд с осветительного прибора на меня. На ее лице отразилось легкое удивление.

– В чем дело? – спросила я. – Почему ты так смотришь? Что со мной не так?

– Ты почему в шубе? – спросила Алка.

– А что, мне голой по улицам ходить? – огрызнулась я.

– Нет, голой уже будет холодно, но для шубы, по-моему, тоже не сезон, – рассудительно сказала подружка.

– Утром срывался снег!

– Ты что? – Трошкина вытаращила глаза. – Ночью было плюс шесть, я смотрела вчерашний прогноз по телевизору!

– Не морочь мне голову, ладно? – устало попросила я, разворачиваясь спиной к Алке и берясь за ручку двери. – Мало ли, что скажут по телевизору!

С этими словами я ушла от подружки, но дома тема сомнительной правдивости телевизионных передач получила продолжение.

Мамуля в прихожей висела на телефоне и на повышенных тонах разговаривала с Максом Смеловским, телевизионным деятелем местного масштаба и другом нашей семьи. Собеседники орали в полный голос, так что я волей-неволей услышала их разговор.

– Макс, я прошу тебя! Я тебя у-мо-ля-ю! – громогласно стенала мамуля, не видя, что я стою у нее за спиной. – Сними с показа сегодняшнюю программу! Что угодно для тебя сделаю! Хочешь, уговорю Дюшу пойти с тобой в кино?

Я громко кашлянула и строго погрозила обернувшейся мамуле пальчиком. Макс Смеловский влюблен в меня с наших общих с ним студенческих лет, для мамули это не секрет, и она ничего не имеет против Макса, даже покровительствует ему. Но торговать собственной дочерью в корыстных интересах – это уже перебор!

Мамуля покраснела, виновато развела руками и чуть не выронила трубку, из которой рокотал красивый дикторский голос Смеловского:

– Да вы что, Варвара Петровна? Сегодняшняя программа пошла в эфир сразу же после записи! Она такая чистенькая получилась, резать ничего не надо было, а у нас в сетке вещания случайно дырка образовалась, вот мы ее этим вашим шоу и заткнули.

– Кошмар! Ужас! Что же теперь будет! – заныла мамуля, свободной от трубки рукой обезображивая свою стильную прическу. – Максик, но ты хоть повтор сразу не ставь, сначала вырежи из записи мою пикировку с Пряниковым! Помнишь, он всячески намекал, что я психопатка, которая пишет свои ужастики с натуры?

– Варварочка Петровна, дорогая, ну, кто же ему поверит? – ласково прокурчал Макс.

– Поверят, Максик! Теперь поверят! – вздохнула мамуля. – Знаешь, что сегодня случилось? Я нашла труп в бассейне!

– В воде?! – ахнул Макс.

– Нет, в раздевалке, в шкафчике! Он сидел там, скрюченный, как жертва компрачиков, голый, холодный и омерзительно мокрый! – гениальная писательница в нескольких словах мастерски описала картину. – Ты представляешь, как это выглядит?

– Скрюченный и мерзкий... Представляю... – протянул слабеющий дикторский голос, уходя за пределы слышимости.

– Да нет же! – гаркнула мамуля. – Ты не то представляешь! Ты представь, как теперь выгляжу я сама! Теперь все будут думать, что Пряников прав! Обыватели сочтут меня психически больной, а милиция вполне может записать меня в главные подозреваемые!

Тут Смеловский ожил и восторженно взвыл:

– Bay!

– Что – вай?!

– Bay...вара Петровна, это же просто шикарно! – дикторский голос загромыхал во всю мощь. – Вы у нас теперь будете прямо как Шэрон Стоун в «Основном инстинкте»! Вот это супер! Вот это реклама!

– Реклама, ты думаешь? – услышав волшебное слово, мамуля чудесным образом успокоилась.

Про рекламу мне было ничуть не интересно, эта тема мне смертельно прискутила на работе, поэтому я обошла мамулю и хотела потихонечку нырнуть в свою комнату, но вывернувший из кухни папуля ухватил меня за шубный рукав:

– Дюша! Мы ждали только тебя! Сейчас будем кушать куропатку с улитками.

Он снова умчался в кухню и воодушевленно загремел там посудой.

– Господи, что за день! – я подкатила глаза и по примеру Трошкіной пожаловалась потолочному светильнику: – Дела в упадке, шеф в больнице! Сайра в троллейбусе! Труп в бассейне! Потом дырка в сумке и вечер в милиции, а теперь еще и улитки в тарелке??!

Не сдержавшись, я с силой пнула ближайшую дверь, она распахнулась, с грохотом ударила о стену, и потревоженный Зяма, приподнявшись на софе, устремил на меня пасмурный дремотный взор.

– Привет! – сонно пробормотал благовоспитанный братишко, приглаживая разлохматившиеся кудри. – Что, уже все дома? Как прошел день?

– О-о-о! – дуэтомзвыли мы с мамулей, и понятливый Зяма временно воздержался от расспросов.

Румяная куропатка, скрывающаяся в своем хорошо пропеченном нутре ненавистных мне улиток, уже была возложена на мою тарелку, когда в дверь постучали.

– Неужели? – светлея лицом, с надеждой пробормотала я.

Зяма сбежал в прихожую, открыл дверь и впустил гостей – Дениса Кулебякина и его баскетболиста Барклайя.

– Барклашка! Иди сюда, мой любимый! – в полном восторге закричала я, шумно радуясь появлению супердюка, который с готовностью сожрет всех моих улиток вместе со скорлупой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.